А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р институт востоковедения

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР МОСКВА—1953

Член-корр. АН СССР А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

Посвящается академику Борису Дмитриевичу Грекову.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МОНГОЛОВ ПЕРИОДА XI—XIII вв.

Монгольское нашествие начала XIII в. произвело столь сильное впечатление на сознание современников и их ближайших потомков, что изучение монголов началось почти одновременно с самим завоеванием. Попав в неожиданную катастрофу, народы Азии и Восточной Европы оставили на многих языках — арабском, таджикском, персидском, русском, армянском, грузинском, латинском, польском, китайском, венгерском, немецком и других — подробные записи и рассказы о монгольских походах, о способах ведения ими войны, об устройстве монгольского войска, о жестокостях и массовом уничтожении людей, их жилищ, целых селений и даже городов, о гибели каналов, садов, пашен, ремесленных мастерских, о порядках монгольского управления после завоевания, о нравах и быте монголов и т. д.

Характерно, что все писавшие на эти темы современники и их ближайшие потомки из покоренных народов, за исключением только авторов, находящихся на службе у монголов, не только описывали события, как они видели сами или как им о них рассказывали их отцы и деды, но и оценивали эти события, причем оценивали правильно, как величайшее бедствие, какое выпадало на долю народов, подвергшихся иноземному нашествию.

Если подойти к историографии монголов XII—XIII вв. без боязни, что работа может разрастись в большой и самостоятельный труд, то нельзя отделить изучение источника от изучения исторического сочинения, написанного с целями научного познания много времени спустя, т. е. источниковедение от историографии. В этом случае историю изучения монголов

следовало бы начать с того же XIII в., когда произошло самое монгольское завоевание Азии, а затем и Восточной Европы. Однако источниковедческая часть отняла бы такое количество места, что собственно историографическая могла бы в ней легко потонуть. Указанное соображение и заставляет нас перенести историю изучения монголов с XIII в. на XVIII в. и начать ее с характеристики взглядов Дегиня (1721—1800). Свою классическую работу он выпустил в 1756 г. 1 Дегинь был учеником синолога Фурмана², прожил большую часть жизни в предреволюционное время, был свидетелем великих событий Французской революции 1789 г. и умер при Наполеоне.

Для историков XVIII в. характерно было отсутствие историзма. Не избежал этого Дегинь, крупнейший из историков своего времени, специалист по истории кочевых народов Азии, работавший непосредственно по китайским источникам. Дегинь плохо представлял себе, как и все его современники, самое развитие общественных отношений. Для него народы делились лишь на «культурные» — оседлые и «некультурные» — кочевые. Историческое развитие он представлял себе лишь как смену политических событий во времени и пространстве. Можно удивляться, как он при характерном для XVIII в. антиисторизме сумел поставить ряд вопросов, которые открыли собой по существу начало научного изучения в Европе кочевых обществ глубинной Азии. Дегинь предпосылает истории монголов историю гуннов и тюрков, которые и занимают первые тома его монументального для своего времени труда.

Весьма интересны строки, посвященные им вопросу о том, что принесли с собой монголы, выйдя на мировую арену. «Народ, который вызвал этот большой переворот, и который образовал затем империю, самую обширную из всех, какие мы знаем, не был вовсе ни цивилизованным народом, ни стремящимся распространить мудрость своих законов; это был варварский народ, который отправлялся в самые отдаленные страны только за тем, чтобы захватить все богатства, обратить народы в рабство, вернуть их к варварскому состоянию и сделать свое имя устрашающим»³. В XVIII в. широкие круги интеллигенции знали, конечно, о том, что народы Азии и Во-сточной Европы в XIII в. пережили монгольское нашествие как величайшее бедствие.

De Guignes — «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux etc...». Paris, 1756—1758.
 Энциклопедический лексикон (Плюшара), т. XVI, 1839, стр. 57.

³ Дегинь. Ук. соч., т. III, стр. 2.

Взгляд на монголов XIII в. как на завоевателей, причинивших громадные разрушения в покоренных ими странах, был принят буржуазной наукой, когда наука эта была на подъеме. Как мы увидим ниже, пересмотр этого взгляда начался по всему фронту буржуазной исторической науки лишь в конце XIX и начале XX вв., в период нарождающегося империализма и упадка исторической мысли буржуазных ученых.

Дегинь, как выше указывалось, хорошо знал китайский язык, арабский язык (с 1757 г. был профессором сирийского языка в Париже), что открывало ему непосредственный доступ к огромному количеству материалов-первоисточников. Остальные источники были ему доступны лишь в переводах.

Его «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных татар» была, по сути дела, первой в науке историей кочевых народов Восточной Азии. Основные события из жизни кочевников были охвачены им с большой полнотой на протяжении всего времени от эпохи гуннов и до Тимуридов. Поэтому, хотя труд Дегиня давно устарел, он будет всегда представлять большой интерес для истории науки. Основные взгляды Дегиня не раз привлекали внимание русского востоковедения. Для нашей цели наиболее интересными представляются суждения проф. К. А. Иностранцева и следующего за ним А. Н. Бернштама.

К. Иностранцев в своей книге «Хунну и Гунны» пишет: «основой классификации народов Средней Азии этот ученый (Дегинь. — А. Я.) берет не принадлежность народа к известной этнографической группе, а политическое разделение. Поэтому Дегинь и не делает существенного различия между тюрками и монголами... Все обитатели этой части Азии называются у него вообще татарами и разделяются на восточных и западных». Несколько ниже К. Иностранцев говорит, что некоторые ученые приписывают Дегиню создание теории монгольского происхождения гуннов и тюрков. Отвергая этот взгляд на Дегиня, К. Иностранцев говорит: «по прочтении его сочинения мы сделаем тот вывод, что в отношении нашего вопроса он высказал следующие два положения: 1) Хунну было кочевое государство, из которого впоследствии возникло государство тюрков, а затем монголов и 2) Гунны Аттилы — потомки части населения хуннского государства, ушедшей на Запад».

К. Иностранцев считает, что ни у Дегиня, ни у его современников не было еще научных представлений ни в области

¹ К. А. Иностранцев. Хунну и Гунны. СПб., 1900, стр. 6. ² Термин «Средняя Азия» К. Иностранцев понимал шире, чем мы.

³ Очерки по истории востоноведения

этнографии, ни в области языкознания, так как не было тогда и самых этих дисциплин. Воззрения Дегиня сводились в сущности к тому, что многие, близкие по внутреннему своему строю (не изменяющемуся во времени) племена входили то в одно, то в другое политическое соединение, получавшее свое название от того или иного племенного имени. Такую концепцию происхождения кочевых народов у Дегиня К. Иностранцев назвал «политической классификацией».

А. Н. Бернштам в своей книжке «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI—VIII вв.» целиком и полностью присоединился к точке зрения К. Иностранцева в определении характера взглядов Дегиня.

Выше уже говорилось, что Дегиню чужды были взгляды расизма. Вместе с тем он, конечно, не имел и представлений об «этносе» в нашем смысле слова, как об исторической категории; ведь представление это родилось, да и могло родиться, лишь в русле марксистской мысли. Как выразитель еще антиисторического этапа в исторической мысли (в его время не было еще концепции сменяемости форм общественной жизни), Дегинь основу общества кочевников видел в неизменном кочевом коллективе — племени. Отсюда и полный застой в обществе от Хунну и до монголов включительно. Несмотря на эти крупнейшие недочеты, то, что сделал Дегинь, было для середины XVIII в. выдающимся вкладом в науку, прогрессивным и полезным для будущих ученых-востоковедов. Заслуги Дегиня приходится признать еще и потому, что он уже в середине XVIII в. познакомил читателей, более или менее правильно, с главными событиями, которые происходили со времени борьбы за сложение монгольского государства и до Тимуридов.

Дегинь долго не имел продолжателей так успешно начатого им изучения кочевников Восточной Азии, в частности монголов. Прошло около семидссяти лет, прежде чем появилась, наконец, в 1824 г. примечательная работа д'Оссона «История Монголов», первый том которой был посвящен образованию монгольского государства под властью Чингис-хана 1.

Первые десятилетия XIX в. во Франции и России, как известно, характеризуются обостренной классовой борьбой на фронте идеологии: во Франции шла борьба против реставрации и феодально-дворянской реакции, в России — против царского самодержавия и крепостного права.

τ.

 $^{^{1}}$ D' Ohsson. Histoire des Mongols. Paris, 1824; II изд. в 4 т. 1834—1835.

На почве этой борьбы и там и здесь выросла молодая тогда

буржуазная историческая наука.

Вспомним французских буржуазных историков — Огюстена Тьерри и Франсуа Гизо. В работах первого периода научного творчества этих ученых, т. е. до перехода Гизо на позиции реакции после Июльской революции 1830 г., буржуазная историческая мысль достигла того уровня, выше которого она больше не подымалась. К этим для своего времени передовым историкам принадлежал и иранист д'Оссон, армянин по происхождению. В России в это время выделялся силой научного таланта и качеством трудов по истории монголов китаист Иакинф Бичурин.

Д'Оссон — это целый этап в истории изучения монголов и монгольской власти в Средней и Передней Азии. Только Катрмер (Quatrmère) мог соперничать с ним во Франции качеством своих работ по вопросам истории монголов. По охвату же материала Катрмер, во всяком случае, не сумел превзойти д'Оссона. Можно без какого-либо преувеличения сказать, что в буржуазной историографии Западной Европы после д'Оссона не было ни одной равной ему фигуры в области истории монголов как по обширности привлеченных им ближневосточных источников, так и по передовому характеру его идей. В. Вартольд в 1925 г. дал ему даже преувеличенную оценку: «Среди трудов синологов нет ни одного, который бы мог выдержать хотя бы отдаленное сравнение с трудом д'Оссона» 1.

Прошло свыше 125 лет со времени первого издания его «Истории Монголов», а книга д'Оссона не потеряла научного значения. Чем же это обусловлено? Прежде всего тем, что д'Оссов сумел встать на правильные позиции в смысле оценки монгольских завоеваний и монгольского периода в истории Азии и Восточной Европы. В своем «Введении» к I тому «Истории Монголов» он рисует в ярких красках гибельные, разрушительные результаты завоевательных походов войск Чингис-хана в первой половине XIII в. «В XIII в. большая часть Азии и восточные области Европы, - пишет д'Оссон, - были завоеваны и опустошены народами Татарии. В эту эпоху кочевые народы и племена, до того враждебные между собой, будучи объединены под одними и теми же знаменами, распространились подобно бушующему потоку по странам, которые сулили им богатую добычу, и покрыли их кровью и развалинами. Человек, который подчинил себе эти жестокие и неистовые орды, [вначале] был только

¹ Рецензия В. В. Бартольда на книгу Б. Я. Владимирцова «Чингис-хан». Изд. З. И. Гржебина, Берлин — Петербург — Москва, 1922, 176 стр. (Журн. «Восток», кн. пятая, 1925, стр. 252).

главой нескольких жалких племен, блуждавших в высоких горах, где берут свое начало реки Онон, Керулен и Тола, на юго-восток от озера Байкала. В кровавой борьбе, начатой вследствие честолюбия многих монгольских племенных вождей, князей, упомянутый выше вождь по имени Темучин, испытав превратности судьбы, достиг того, что разгромил своих соперников. Когда он привел к повиновению большую часть монгольских племен, он успешно подчинил другие народности Татарии и объявил себя императором, каганом с титулом Чингисхана».

«Не желая присягать в качестве вассала государю Северного Китая, в отношении которого кочевые племена татарские были данниками, он [Чингис-хан] нагрянул на эту империю во главе многочисленной конницы и довел свои опустошения до берегов Желтой реки. Захватив огромную добычу, он покинул Китай только для того, чтобы начать другие завоевания. Центральная Азия была подчинена его законам; он разрушил Трансоксиану, Хоросан и Персию. С одной стороны, его армии продолжали завоевание Китая, с другой — ограбили берега Синда и берега Евфрата, проникли через Грузию в северные районы Черного моря, заполнили Крым, полонили часть России и атаковали болгар на берегах Верхней Волги» 1.

Что можно возразить против этих справедливых и ярких слов историка д'Оссона, писавшего свои работы на французском языке. И незачем было Н. Н. Козьмину в предисловии к своему переводу I тома «Истории Монголов» д'Оссона² писать: «Йосле д'Оссона историки, если можно так выразиться, вульгаризировали отридательное отношение к монголам и Чингизидам». Н. Козьмин не прав; вольно или невольно, но в оценке монгольского периода истории Азии он попал в русло реакционных концепций, которые по этому вопросу стали слагаться лишь с конца XIX в., в эпоху империализма.

Характерно, что во второй половине XVIII в., так же как и в первой половине XIX в., когда буржуазия была еще на подъеме, а буржуазная наука являлась прогрессивной силой, и взгляды на Чингис-хана, монгольские завоевания и монгольскую империю были правильны и вполне соответствовали тем впечатлениям, которые оставили нам современники этих великих бедствий, выпавших на долю человечества в первой поло-

¹ D'Ohsson. Ук. соч., стр. I—II. ² К. д'Оссон. История Монголов, т. І. Чингис-хан. Перевод и предисловие проф. Н. Козьмина. Иркутск, 1937, стр. XXVII—XXVIII

вине XIII в., -д'Оссон был одним из наиболее ярких выразителей этой прогрессивной буржуазной исторической науки начала XIX в.

Однако не только в этой правильной концепции монгольского периода истории Азии сила д'Оссона как ученого историка. Этого было бы еще мало. Д'Оссон был первоклассный специалист, прекрасный знаток источников на персидском, турецком и арабском языках, которые играют такую огромную роль для истории монголов XII—XIV вв. Источники эти д'Оссон использует с большой полнотой, приводит надежный фактический материал, вследствие чего его история является подлинно монументальным трудом.

До тех пор пока использованные д'Оссоном персидские источники не переведены полностью на европейские языки, «История Монголов» д'Оссона будет необходимой книгой для всех, кто не владеет восточными языками. Д'Оссон был большим мастером исторической композиции и стиля и работал над материалом тщательно и добросовестно, что делает его труд весьма ценным. Однако д'Оссон не имел возможности в свое время привлечь монгольские источники, особенно «Сокровенное сказание», которое, когда писалась его «История Монголов», не было еще переведено ни на один европейский язык.

По сути дела, д'Оссон был первый из историков, кто привлек ценнейшие материалы I тома Рашид-ад-дина для изучения уровня общественного и культурного развития монголов в XII в. и решения вопроса об образовании монгольского государства под властью Чингис-хана. Уже в этом была большая заслуга д'Оссона. Если же принять во внимание, что автор сумел разобраться в весьма богатом, но сложном комплексе сведений Рашид-ад-дина о монголах, сумел выделить действительно наиболее существенное и критически надежное, то нельзя не удивляться его работоспособности, наблюдательности и критическому чутью.

Д'Оссон был, конечно, человек своего времени, не имел еще представления о закономерностях развития человеческого общества, так же как не знал учения о классовых противоречиях как движущей силе истории, а потому мы и не вправе требовать от него раскрытия подлинных причин образования монгольского государства, вскрытия его классового характера, а также научной, в марксистском смысле слова, квалификации уровня общественного развития монголов на грани XII—XIII вв. Для д'Оссона государство Чингис-хана родилось в борьбе между отдельными племенными предводителями, которые стремились расширить территории своих пастбиш, а также

увеличить количество подвластных людей за счет других таких же, как они, кочевых владетелей.

Что происходило в это время с рядовым кочевником-монголом, как шла борьба за подчинение последнего власти выделяющейся монгольской знати, какую роль играли здесь нукеры, да и как протекал вообще процесс все увеличивающе гося классового расслоения кочевого общества, переживающего последний этап разложения первобытно-общинного строя, все эти вопросы, естественно, не вставали, да и не могли, по уровню до-марксовских представлений о движущих силах истории, встать даже перед таким крупным исследователемисториком, каким был д'Оссон. Естественно, главы его первого тома, посвященные сложению монгольского государства Чингис-хана, касаются чисто внешних событий, затрагивают вопросы только политические, без рассмотрения вопросов социальных. Главы первого тома, посвященные завоеванию Средней Азии, Ирана и Закавказья, до появления капитального труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», вышедшего в 1898—1900 гг., т. е. в течение семидесяти пяти лет, были лучшей работой по этому вопросу. И сейчас они поражают читателя не только яркостью изложения, обилием фактов, но и множеством тонких замечаний по разнообразным частным вопросам.

Главное значение д'Оссона все же связано не с его первым томом, поскольку эта работа превзойдена трудами В. В. Бартольда и Б. Я. Владимирцова. Большую значимость в настоящее время сохранили второй и четвертый тома д'Оссона, однако не потому, что при выходе в свет они были сделаны лучше первого тома, а потому, что до сих пор нужда в них окончательно не вытеснена трудами, которые бы превзошли труд д'Оссона.

Правда, по целому ряду частных вопросов д'Оссон отстал, поскольку вопросы эти решены уже глубже и полнее, к тому же на уровне современной науки. Однако в целом надобность в нем еще не прошла. Во всяком случае, д'Оссон оставил в своей области большое наследие и целый ряд нерешенных вопросов, которые могут быть, как мы видели выше, сведены в целом к проблеме социальной истории монголов и к выяснению причин успехов монгольских завоеваний в XIII в. Должно было пройти, по крайней мере, семьдесят лет, прежде чем появились ответы на эти вопросы, в частности в работах В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова и других советских ученых.

Д'Оссон являлся современником выдающихся русских востоковедов—Х. Френа, Иакинфа Бичурина и П. Савельева.

не занимался специально вопросами монголиистории Монголии и был, стики, не писал на темы по прежде всего, арабистом и нумизматом, создателем сточной нумизматики в России и ее непревзойденным представителем. Особенно замечательны его работы, посвященные золотоордынской нумизматике. Монеты золотоордынских ханов представляли для него интерес не только с точки зрения наиболее надежного материала для датировки, т. е. для установления точной хронологии политических событий и культурных фактов (датировка археологических комплексов), но и для изучения роли денег в экономической жизни Золотой Орды.

Х. Френ был в курсе всей востоковедческой литературы своего времени и как крупнейший историк Золотой Орды имел твердые взгляды на роль монгольского завоевания в истории России. Свои взгляды он четко сформулировал в записке, которой сопроводил свое предложение Академии Наук в 1832 г. написать на конкурс труд по истории Золотой Орды. Вот что Френ писал по этому вопросу: «Владычество Монгольской династии, известной у нас под именем Золотой Орды, у Магометан — под названием Улуса Джучи или Чингизова Ханства Дешт-Кипчакского, а у самих монголов под наименованием Тогмака, бывшей некогда, в течение почти двух с половиной веков, ужасом и бичом России, державшей ее в узах безусловного порабощения и располагавшей своенравно венцом и жизнью князей ее, владычество сие долженствовало иметь более или менее влияния на судьбу, устройство, постановления, образование, нравы, язык нашего отчества» 1.

Для серьезных ученых первой половины XIX в. не было

колебаний в оценке событий монгольского времени.

Взгляды X Френа были тогда господствующими в исторической науке. Этих же взглядов придерживается д'Оссон и даже реакционный Н. М. Карамзин. Вот как этот русский историк описывает состояние Руси после походов Батыя: «казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их от берегов Оки, до Сана»².

X. Френ оказал огромное влияние не только на своих учеников, но и на все последующее поколение русских востоковедов. Сказалось его влияние и на исследованиях вопросов истории монголов. X. Френ вооружал молодое поколение русских

1892, т. IV, стр. 10.

¹ В. Г. Тизенгаузэ н. Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. І. СПб., 1884, стр. 555, т. ІІ, Л., 1941.
2 Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб.,

ученых замечательной для своего времени техникой и методикой работы над первоисточниками: рукописями и нумизматическими материалами. Редко кто из ученых пользовался таким признанием и такой благодарностью, как он. «Имя Френа, пишет П. Савельев,— одно из самых безукоризненных в истории науки. Ученейший арабист, основатель и князь восточной нумизматики, Френ оказал великие услуги и русской истории. Сорок четыре года прожив в России, он сроднился с Россией, и жил только для своей науки и приложения ее к России»¹.

Большую роль в изучении истории монголов сыграл Иакинф Бичурин, крупнейший синолог первой половины XIX в. Иеромонах по своему официальному положению, против воли оставленный в монашеском сане, но чуждый религиозному мышлению, он был одним из передовых людей своего времени и прогрессивных ученых первой половины XIX в. 2

Выше уже говорилось, что И. Бичурин был современником д'Оссона и равной ему по силе таланта и обширности знаний фигурой. В то время как д'Оссон работал на ближневосточных источниках, преимущественно персидских, И. Бичурин исследовал источники китайские, которые он знал, по отзыву специалистов в то время, как никто другой. Вот что писал о нем один из крупнейших ориенталистов первой половины XIX в., его современник О. Сенковский: «Ни один быть может из нынешних ориенталистов не вынес на свет из хаоса восточной литературы столько новых фактов, столько любопытных и важных сведений об истории Восточной Азии, как наш неутомимый синолог отец Иакинф».

Академик В. П. Васильев, продолжая начатую И. Бичуриным работу по изучению Монголии, писал о нем: «Заслуги покойного нашего синолога так обширны, что мы почитаем с своей стороны дерзостью разбирать недостатки, которые неизбежны во всяком издании о предметах, в которых не только публика, но даже и ученый свет принимает еще так мало участия»³.

Č именем И. Бичурина мы должны, прежде всего, связать вопрос об этногенезе монголов, который с такой полнотой не

¹ П. Савельев. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855,

² Иакинф Бичурин— в миру Никита Яковлевич Бичурин (Иакинф). См. о нем: А. Н. Бернштам. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Статья помещена в книге под тем же заглавием. Изд. АН СССР, 1950, стр. V.

³ В. П. Васи^{*}льев. История и древности восточной части Средней Азим от X до XIII века. ТВО, т. IV, стр. 1.

ставил никто до него. В своей заметке «Общий взгляд на Монголию в связи с прочими среднеазиатскими странами» И. Бичурин писал¹: «история древних среднеазиатских народов, хотя не говорит определительно, сколь давно существуют они, и откуда ведут свое происхождение, но некоторое сходство у монголов в обыкновениях и грамматических формах языка с тунгузами и тюрками обнаруживает, что помянутые три народа произошли от одного корня, но разделение их на три ветви, т. е. на три племени, без сомнения, случилось во времена отдаленные от нас; потому что почти за двадцать пять столетий до р. х. Монголы и Тунгусы в китайской истории представляют как два самобытные народа».

Из вышеприведенных слов ясно, что И. Бичурин устанавливает: 1) самое близкое сходство у трех народов — монголов, тюрок и тунгузов; 2) что они происходят от одного корня; 3) что раздельно эти три народа существуют очень давно, по крайней мере две с половиной тысячи лет до н. э.

Ни второй, ни третий пункты нас в настоящее время удовлетворить не могут. Ценность рассуждений И. Бичурина лежит только в постановке вопроса об этногенезе монголов, но не в его решении. Оно страдает полным отсутствием историзма, так как И. Бичурин допускает, что монгольский народ мог существовать в неизменном виде в качестве кочевого скотоводческого народа в течение нескольких тысячелетий.

В этой же работе несколько ниже И. Бичурин пишет: «Происхождение монгольского народа и дома Монгол, от которого сей народ получил народное название, суть две вещи совершенно отличные между собой... Начало монгольского народа уходит за двадцать пять веков до р. х.²; дом Монгол, напротив, возник в начале IX в., усилился в начале XII в., основал монгольскую империю в начале XIII столетия после р. х.»³.

В чем же видит И. Бичурин вышеупомянутый «корень» трех народов? На этот вопрос он дает ответ в своей рецензии на книжку В. В. Григорьева «История Монголов»⁴. «Грамматическое сходство монгольского языка с турецким,— пишет он,— и тождество с ним в некоторых коренных словах ясно

¹ Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851, стр. 477.

² Те же мысли высказывает И. Бичурин и в своей книге «Записки о Монголии». «Более нежели за двадцать пять веков до н. э. скитался уже народ сей с своими стадами, по пустыням, сопредельным Северному-Китаю». «Записки о Монголии», т. II, ч. 3, СПб., 1828, стр. 1.

³ Там же, стр. 483.

⁴ И. Бичурин. Рецензия на книжку В. В. Григорьева «История Монголов». «Финский Вестник», т. II, 1841, стр. 697 и сл.

показывают, что монголы первоначально составляли т у р е ц к о е и л е м я, отделившееся от прочих во времена отдаленнейшие от нас, а от сей давности времен произошло превращение монголов в другой народ, ныне отличный от турок языком, нравами, обычаями и частью даже обликом»¹.

Под словом «турецкий» и «турки» И. Бичурин понимает, конечно, не турок-османов, а тюрков Центральной и Средней Азии. Итак, И. Бичурин «корень» видит в «тюрках», следовательно и теория происхождения монголов у него является тюркской. Со времен Дегиня, т. е. со второй половины XVIII в., эти взгляды были широко распространены в европейской науке.

Существует, однако, иное толкование взглядов И. Бичурина по вопросу об этногенезе хунну, тюрок и монголов. В энциклопедическом словаре Плюшара, современном И. Бичурину, под словом «Дегинь» можно прочесть, что теория Дегиня о тождестве хунну и гуннов Аттилы «нынче оставлена всеми ориенталистами, которые положительно убедились, особенно из прекрасных трудов отца Иакинфа Бичурина, что Хюн-ну были чистые монголы и не оставляли Монголии».

Значительно большее значение для монголоведения имеет его труд «История первых четырех ханов из дома Чингисова», изданный в 1829 г. Труд этот до сих пор не потерял научной ценности, так как заключает в себе богатые материалы из китайской летописи Ган-Му, переведенные, по признанию синологов, почти безукоризненно. Выйдя на пять лет позже первого издания I тома д'Оссона, который не получил тогда еще широкого распространения, книга И. Бичурина оказалась прекрасной ему параллелью, так как затрагивала ту же тему (образование Монгольской империи Чингис-хана), что и упомянутая книга д'Оссона. И. Бичурин работал по китайским источникам, преимущественно Ган-Му и Юань-ши. Характерно, что последнее сочинение, хотя и было составлено в период Юаньской династии, на китайском языке, однако в основе его лежали монгольские материалы, в том числе и «Сокровенное сказание». Известно, что д[†]Оссон в своей политической биографии Чингис-хана не использовал этих источников, вследствие чего читатель, имея две для своего времени замечательные книги,д'Оссона и И. Бичурина, мог получить полную картину по вопросу о сложении монгольского государства и завоеваниях Чингис-хана, причем внимание д'Оссона при изложении событий, связанных с завоеваниями, главным образом было направ-

¹ И. Бичурин. Рецензия на книжку В. В. Григорьева «Историн Монголов». «Финский Вестник», т. II, 1841, стр. 699.

лено на запад — Среднюю Азию, Иран, а внимание И. Бичурина — целиком на Китай.

Пока Ган-Му не будет издан в русском переводе того же И. Бичурина, мы не перестанем обращаться к его книге, хотя в ней, так же как и уд'Оссона, отсутствует анализ социального строя монголов.

Деятельность И. Бичурина выходила за пределы его прямой специальности — китаистики и монголоведения. Как и многие представители русской интеллигенции, взрощенной патриотизмом Отечественной войны 1812 г., он сочетал в себе глубокое чувство национальной гордости с передовыми идеями своего времени. В споре, который возник по вопросу о значении русской науки и ее отношении к науке западноевропейских стран, а также о том, целесообразно ли русским ученым писать свои работы на русском языке, он занял твердую патриотическую позицию, о чем мы еще скажем ниже, когда коснемся этого спора, захватившего и русских востоковедов.

Быть может, наиболее яркую и самобытную фигуру среди историков-востоковедов своего времени (30—70-е годы XIX в.) представляет В. В. Григорьев. Владея многими восточными языками, в том числе и монгольским, В. В. Григорьев оставил после себя немало работ по истории тех областей Востока, которые ближе всего касались в прошлом нашего отечества, а именно: Золотой Орды, Средней Азии и сопредельных с ней стран и областей.

В. В. Григорьев был искренне предан русской науке и гордился ее достижениями; в этом отношении он следовал не за своим непосредственным учителем О. Сенковским, а за Иакинфом Бичуриным, работы которого по истории монголов и Средней Азии он высоко расценивал.

Еще студентом Петербургского университета он выпустил в 1834 г. небольшую книгу под заглавием «История Монголов от древнейших времен до Тамерлана». Книжка эта представляет перевод части всеобщей истории Хондемира «Хуласат ал-Ахбар», посвященной истории монголов.

Свой перевод с персидского В. В. Григорьев сопроводил комментарием филологического и исторического характера, из которого ясно, что переводчик был в курсе важнейшей литературы на русском и европейских языках по истории Чингисхана и его завоеваний. Из комментария ясно, однако, что В. В. Григорьев более всего ценил работы двух своих

¹ Рукописи этого перевода И. Бичурина хранятся в архиве Института востоковедения АН СССР.

современников: Иакинфа Бичурина и д'Оссона. В предисловии к переводу В. В. Григорьев, прежде всего, отмечает «всеобщее внимание, обращаемое ныне на историю Монголов»¹. Книжка В. В. Григорьева получила должный отклик у русской научной общественности, что выразилось в появлении обстоятельной рецензии, написанной Иакинфом Бичуриным и помещенной в «Финском Вестнике» за 1841 г.² Об этой рецензии и ее значении уже говорилось выше.

Свою небольшую книжку В. В. Григорьев опубликовал, как выше было сказано, в 1834 г. Позволю себе напомнить, что это тот самый год, когда В. Белинский опубликовал свои знаменитые «Литературные мечтания». Вот как в этом волнующем всегда произведении великий русский критик писал о литературе своих дней: «...Третие десятилетие XIX века было ознаменовано влиянием Пушкина... Можно сказать утвердительно, что только в прошлое десятилетие проявилась в нашей литературе жизнь, и какая жизнь! тревожная, кипучая, деятельная! Жизнь есть действование, действование есть борьба, а тогда боролись и дрались не на живот, а на смерть»3.

Что же отражала тогда литература и за что боролись ее прогрессивные представители во главе с гениальным А. С. Пуш-

киным?

Противоречия между нарождающимися силами русского капитализма и отживающими феодальными производственными отношениями — бесчеловечным крепостным правом отчетливо стали сказываться уже в начале XIX в. Отечественная война 1812 г. против Наполеона, которую победоносно закончил русский народ, обострила эти противоречия внутри России. Расслоение внутри русского общества усиливалось. Литература и наука были втянуты в политику, как никогда до того.

Силы реакции и прогресса сосредоточили все свое внимание на основном вопросе: за или против коренных перемен в русской политической жизни (борьба с самодержавием и освобождение крестьян). Отечественная война 1812 г. усилила чувство национальной гордости, дала русскому патриотизму направление демократическое и прогрессивное. Все вопросы культурной жизни каждый решал с точки зрения той позиции,

¹ История Монголов от древнейших времен до Тамерлана. СПб., 1834, стр. VII.

² И. Бичурин. Рецензия. История Монголов от древнейших времен до Тамерлана. Перевод с персидского В. Григорьева. СПб., 1834. «Финский Вестник», 1841, т. II, стр. 697—723.

³ В. Г. Белинский. Литературные мечтания. Собрание сочинений в 3 томах. 1949, т. I, стр. 55—56.

которую он занимал в основном вопросе—о необходимости коренных перемен в политической и общественной жизни. Борьба в общественной жизни не могла не оказывать громадного влияния на развитие научной мысли. В научных кругах этот основной вопрос выражался, в частности, в отношении к русской науке и в оценке ее достижений.

Господствующая верхушка царской России, привыкшая преклоняться перед всем иностранным, привыкшая думать, что все культурные достижения идут с Запада, сочетала в себе крепостнические взгляды с внешним лоском цивилизации Запада. Ее мало интересовали успехи русской культуры, она, в первую очередь, была озабочена подавлением русской прогрессивной общественной мысли. Ее реакционное отношение к передовой науке и литературе, ее пренебрежение к русской культуре находило сочувственный отзвук в стенах Академии Наук, в среде университетских профессоров, отражалось оно, наконец, и в научных печатных работах. Передовая часть русских ученых того времени вела в этом вопросе горячую борьбу с реакционными взглядами. Проникла эта борьба и в среду востоковедов, в том числе и тех, кто занимался вопросами монголоведения, хотя востоковедение в те годы не было в целом передовым участком русской науки.

Позволю себе в самых кратких чертах остановиться на споре по вопросу о монгольской надписи времен Мункэ-хана, разгоревшемся между монголоведом—немецким академиком Шмидтом, с одной стороны, и молодым востоковедом В. В. Григорьевым и Иакинфом Бичуриным, с другой.

В 1841 г. возвратившийся из Пекина русский самоучкавостоковед Аввакум, хорошо изучивший китайский, монгольский, маньчжурский и тибетский языки, перевел надпись и указал, что квадратные буквы, которыми она написана, и есть «те самые, которые изобретены Пагба-Ламой» В. В. Григорьев, знавший также монгольский язык, снабдил перевод о. Аввакума примечаниями и издал. Академик Шмидт, оценивавший передовую русскую науку с реакционных позиций, подверг надпись вторичному исследованию и резко высказался против примечаний В. В. Григорьева и вообще о работе русских ученых. В. В. Григорьев не оставил без ответа незаслуженные нападки и в статье, помещенной в декабрьском номере «Отечественных записок» за 1846 г., показал не только несправедливость замечаний, но и грубые ошибки самого рецензента. На

¹ И. Бичурин. Замечания по поводу спора о монгольской надписи времен Монкэ-хана. «Финский Вестник», 1847, № 5.

спор горячо откликнулся И. Бичурин в «Финском Вестнике», заметив, что «большая часть ученых промахов происходит от довольно общего в настоящее время расположения судить утвердительно о вещах, о которых не имеем основательных сведений» 1. И. Бичурин ополчается против высокомерия иностранда, который, не имея нужных знаний, незаслуженно «отчитал» русских ученых. «Привычка руководствоваться чужими готовыми мнениями,— писал Бичурин,— неумение смотреть на вещи своими глазами, неохота справляться с источниками, особенно изданными на отечественном языке: своему-то как-то не верится; то ли дело сослаться на какой-то авторитет, на какого-нибудь иноземного писателя, хотя тот также не имел понятия о деле» 2. То, что разыгралось в споре по вопросу о «монгольской надписи», было лишь частным случаем борьбы, которая развернулась вокруг пренебрежительного отношения к достижениям русской культуры и преувеличенного преклонения перед западными авторитетами.

В среде русских ориенталистов были фигуры, деятельность и пренебрежительное отношение которых к отечественной культуре задевали патриотические чувства русских востоковедов. Вспомним одного из учителей В. В. Григорьева — эрудированного, талантливого, но безидейного О. Сенковского, который в истории русской общественной мысли, где он был очень деятелен, оставил после себя далеко не прогрессивный след.

Не слишком доверяя растущим силам отечественной науки, в которой он сам в качестве блестящего арабиста мог бы сыграть огромную роль, О. Сенковский даже не признавал русский язык за язык, на котором можно было писать научные труды. Он выдвигал, в частности, такие доводы, будто писать по-русски — значит оставаться никому неизвестным, так как язык этот еще не получил права гражданства в науке Запада.

О. Сенковский хорошо знал силы русских востоковедов, знал и ценил, как выше указывалось, Иакинфа Бичурина и очень жалел, что тот свои работы писал по-русски³.

Хотя Сенковский после переезда своего из Вильно в Петербург прожил в нем до конца своей жизни и хотя вошел в русскую литературную среду как один из активнейших ее членов, он не сроднился с Россией, не усвоил глубоко ее культурного

¹ И. Бичурин. Замечания по поводу спора о монгольской надписи времен Монкэ-хана.

² Там же, стр. 3. ³ О. И. Сенковский. Собрание сочинений. Калмыки, ойраты, уйгуры. По поводу сочинения о. Иакинфа «Историческое обозрение ойратов, или калмыков». СПб., 1858—1859, т. 6, стр. 27.

достояния. Характерно в этом отношении высказывание о Сенковском Н. Г. Чернышевского, который знал арабский язык, высоко ценил знания и ум О. Сенковского и считал его «одним из лучших ориенталистов в Европе» 1 . «До самого того времени, как О. Сенковский (барон Брамбеус.— A. \mathcal{H} .) сделался русским писателем,— пишет Н. Г. Чернышевский,— он не знал ни русской литературы, ни русской публики, будучи очень хорошо знаком с богатыми иностранными литературами» 2 .

Безидейность и космополитизм³ О. Сенковского и привели его, по сути дела, к краху, которым закончилась его литературная деятельность. Не случайно Н. Г. Чернышевский с чувством горечи сказал о нем: «Иметь столько дарований — и расстратить их совершенно понапрасну, без всякой пользы для

литературы...» 4.

В 30-50-х годах XIX в. лучшие представители молодой буржуазной науки не могли не испытать влияния прогрессивной общественной мысли — влияния А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова. В русском востоковедении влияние это сказалось на выборе тем и на отношении к народам Востока. Более всего привлекали к себе внимание исследователей, особенно историков, темы, так или иначе связанные с русской историей. Посмотрим на преобладающую тематику историков-востоковедов первой половины XIX в. X. Френ занимается преимущественно золотоордынской нумизматикой, В. В. Григорьев — историей, археологией и нумизматикой Золотой Орды и монголов, Терещенко в 40-х годах проводил свои известные раскопки Сарая на Ахтубе (Сарая Берке), П. Савельев занимался археологией и нумизматикой не только времени Золотой Орды, но и VIII-X вв.; тогда же начинались и работы (исследования и переводы) И. Березина, также преимущественно связанные с историей Золотой Орды и монголов. Интерес к родной истории, захвативший востоковедов, был, несомненно, отголоском того подъема идейной и политической борьбы, который переживало русское общество в годы, следующие за победоносным окончанием Отечественной войны 1812 г. Проблемы, связанные с выяснением ческой роли русского народа, глубоко захватили гениального Пушкина; характерно, что никто из профессионалов-

4 Н. Г. Чернышевский. Ук. соч., стр. 44.

¹ Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. Полн. собр. соч., т. III, 1947, стр. 45.

² Там же, стр. 51. ³ Слова В. Боцяновского. «Энциклопедический словарь» Брокгауза, под словом «О. Сенковский».

историков не дал такого верного и вместе созвучного нам взгляда на роль, которую сыграл русский народ в ликвидации монгольского ига, как великий русский поэт. В 1834 г. А. С. Пушкин написал заметку, касающуюся «литературы русской». Заметка эта не была издана при жизни поэта. В ней он дал гениальное определение роли русского народа и России в деле борьбы с татаро-монголами. «Долго Россия,— пишет А. С. Пушкин,— оставалась чуждой Европе... России определено было высокое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...» 1.

А. С. Пушкин имел в виду спасение Западной Европы от возможного ига монголов и реального порабощения ее Наполеоном. К сожалению; эти глубокие высказывания А. С. Пушкина долгое время оставались неопубликованными и не оказали влияния на историков и на их оценку последствий покорения Руси для дальнейших монгольских завоеваний.

В самом деле, почему монголы не пошли, после учиненных ими погромов в России, дальше на Запад? Потому, во-первых, что были ослаблены сопротивлением Руси, и потому, во-вторых (а это главное), что монголы боялись иметь в тылу у себя порабощенную страну, население которой использовало бы любую возможность для освобождения от насильственного ига.

А. С. Пушкин в этом вопросе почти на сто лет предвосхитил взгляды современной науки. Дворянские и буржуазные историки Западной Европы были всегда невежественны в отношении истории России и русского народа и, кроме того, сознательно извращали и принижали ту роль, которую русский народ дважды сыграл в спасении западноевропейских народов.

Вернемся, однако, к рассмотрению работ русских востоковедов. Один из лучших востоковедов своего времени В. В. Григорьев был создателем первой кафедры истории Востока в Петербургском университете (до него этой кафедры не было ни в одном университете мира). Он добивался этой кафедры в течение 25 лет, но ему удалось создать ее только в 1863 г., в Петербургском университете.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Госуд. изд. худож. лит-ры, М., 1949, стр. 1380.

В. В. Григорьев был фигурой сложной и противоречивой. Увлеченный тематикой, связанной с историей Золотой Орды, а затем и Средней Азии, он перестал работать над собственно историей монголов, хотя они так же, как и кочевники Средней Азии, всегда его интересовали. В. В. Григорьеву принадлежат многочисленные работы по истории и нумизматике средневекового Востока, многие из которых, особенно его монографии «Кабулистан и Кафиристан» и «О скифском народе саках», не потеряли своего научного значения и в наши дни.

Горячий поборник русской науки и ее авторитета, энергичный борец за международный характер русского языка, без знания которого невозможно двигать науку вперед, В. Б. Григорьев вместе с тем по своим общественно-политическим взглядам был правее даже многих славянофилов, т. е. придерживался реакционных взглядов. С его именем связаны такие факты, как просмотр и изъятие из библиотек и книжных магазинов Риги в 1849 г. 2035 книг, запрещенных цензурой, что было сделано по поручению Министерства внутренних дел. В течение нескольких лет, начиная с 1874 г., он исполнял должность начальника Управления по делам печати.

В. В. Григорьев более всего сочувствовал правым славянофилам и был близок к И. С. Аксакову и издаваемому им «Дню», в котором и сотрудничал. Однако не вся его деятельность на административном поприще была реакционна. Известно, что с 1851 по 1862 г. он служил в качестве крупного администратора в Оренбургском крае, а с 1854 г. стоял во главе специального учреждения — Пограничной комиссии, т. е. был главою управления казахами, которые в те годы в России носили имя киргизов Подробный фактический материал об этой его деятельности приведен в книге Н. И. Веселовского¹. В специальных «Приложениях» к этой книге опубликован ряд документов — официальных записок и замечаний В. В. Григорьева по разным вопросам управления киргизами (казахами). Было бы глубокой несправедливостью дать этой административной деятельности В. В. Григорьева также отринательную оценку. Как глава управления казахами он был исключением среди высших царских чиновников. В течение ряда лет В. В. Григорьев вел энергичную борьбу со взяточничеством, бездушным отношением к казахам со стороны оренбургских чиновников и особенно с генерал-губернатором Безаком, который требовал от В. В. Григорьева поддержки казахской аристократии,

¹ Н. И. Веселовский. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. Приложения. СПб., 1887.

⁴ Очерки по истории востоковедения

безжалостной эксплуатации рядовой массы кочевников, поддержки мусульманского духовенства в казахской степи и т. д. В обстановке того времени нельзя не признать эту сторону

деятельности В. В. Григорьева положительной. И не случайно он при генерал-губернаторе Безаке должен был оставить свою высокую административную деятельность, так как встретился не только с непреодолимыми препятствиями, но и с решительной дискредитацией его личности со стороны Безака и его старших чиновников.

Как ученому-востоковеду, В. В. Григорьеву не чужды были и вопросы обобщающего и, в известной мере, теоретического характера. Уже на склоне лет им была написана статья «Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами»¹. Для своего времени В. В. Григорьев был, несомненно, лучшим знатоком истории среднеазиатских кочевников, в силу чего упомянутая выше статья не может не вызвать к себе интереса. Весьма характерны первые слова этой статьи: «Одинаковые условия производят одинаковые явления»2.

В статье этой автор в сущности ставит только один вопрос: что толкает кочевников на завоевания оседлых народов?

Рассуждения В. В. Григорьева представляют большой интерес, хотя только некоторые его мысли по частным вопросам могут быть признаны правильными. Как бы в продолжение вышеприведенного положения В. В. Григорьев пишет: «Изучая историю кочевых народов в их столкновениях с оседлыми и историю оседлых государств в их борьбе с кочевниками, встречаем постоянно, у тех и у других, в Азии-ли, в Европе-ли, в Африке-ли, одни и те же стремления, одну и ту же политику, одни и те же приемы для достижения их относительных целей»³.

Автор ставит перед собой вопрос — какую роль в деле нападения кочевников на оседлые области играет добыча? Вот его рассуждения: «Понятно, что достаточным стимулом к временным вторжениям кочевников в соседние оседлые страны могла служить жажда добычи, желание приобрести силою то, что не в состоянии они были добыть меною на свои произведения. Но одно дело временный набег, другое — экспроприация»⁴. Продолжая свою мысль, В. В. Григорьев утверждает, что

«одной алчностью к грабежу» нельзя объяснить массовые втор-

¹ В. В. Григорьев. Об отношении между кочевыми народами и оседдыми государствами. ЖМНП, 1875, № 3, стр. 1—27.

² Там же, стр. 1.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 9.

жения кочевников в оседлые страны. На это должны быть, по его мнению, более важные причины.

Какие же это причины? В. В. Григорьев создает целую теорию, которую можно назвать «теорией толчков». «Вторжения кочевых,— по его словам,—в области оседлых не были или, по крайней мере, не всегда были произвольны, а происходили вследствие толчков, которые вторгшиеся получали сами, сзади или с боков, от других соседних и почему-либо сильных кочевников»¹. Характерно, что «гонимые и преследуемые сами тотчас же обращаются в победителей и преследователей. Оба факта эти, один как следствие другого, являются постоянно в истории кочевых народов Средней Азии»².

Но если «одной алиностью к грабежу» нельзя объяснить нападения кочевников, так в чем же подлинная причина нападения? По словам В. В. Григорьева, «во всех приведенных примерах нет ни одного случая, где бы кочевники выселились с родины своей добровольно, и произвольно кидались на земли оседлых. Их, согнанных или удалившихся с собственных земель, приводила к этому необходимость овладеть какой-либо другой территорией, на которой бы могли они существовать» 3.

Автор не разъясняет, что это за «необходимость», которая заставляет кочевников бросать прежние свои пастбища и искать новые места. Само собой ясно, что здесь имеются в виду какието недороды трав или же нападение соседей кочевников. Кстати, согласно В. В. Григорьеву, в силу специфических условий кочевого скотоводческого хозяйства, кочевники, которые, скажем, от недорода трав решили вытеснить соседей из их степей, тайно хранят про себя план нападения на них. Когда, таким образом, им удастся собрать в одном месте нужное им конное войско, они неожиданным ударом набрасываются на соседей, а те, в силу особенностей кочевания, находятся в рассеянном состоянии. Это обстоятельство всегда ставит нападающую сторону в более выгодное положение. Таким образом, одни нападают, другие бегут, а дальше вся степь вступает в движение, согласно выдвинутой В. В. Григорьевым «теории толчков».

Можно ли принять теорию В. В. Григорьева? Конечно, нельзя. Автор объясняет набеги и грабительские войны кочевников, совершенно игнорируя внутренние противоречия в самом кочевом обществе. В степи, до образования в ней государства, т. е., когда племена еще находятся на стадии разложения первобытно-общинного строя, становятся постоянными

¹ В. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 11.

² Там же.

³ Там же, стр. 12.

столкновения между племенами из-за пастбищ, но на этой почве не происходит еще массовых нападений кочевников на оседлые страны. Массовые нашествия кочевников происходят только тогда, когда складываются объединения племен, первые примитивные государства, т. е., когда внутри племен произошло уже классовое расслоение и выделился класс кочевой знати на базе частной собственности на скот и рабов. Нельзя, конечно, отрицать, что недород в степи может в какой-то мере сыграть роль в качестве дополнительного стимула, при объяснении причин, побуждающих кочевников к завоевательным походам, однако основной причиной массового выступления кочевников все же является стремление кочевой знати к грабительским набегам.

В. В. Григорьев не может обосновать фактами свою «теорию толчков», а между тем, если встать на его точку зрения, согласно которой кочевники нападают на оседлые страны по непреодолимой необходимости, то мы должны будем оправдать все грабительские и завоевательные нашествия кочевников, в том числе и походы Чингис-хана, Бату, Хулагу и Хубилая.

Дело изучения монгол и монгольской империи в плане использования китайских и монгольских (в китайских переводах) источников продолжил крупнейший русский китаист середины и второй половины XIX в. В. П. Васильев. Его работа «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века» до настоящего времени не потеряла своей научной ценности. Как и другие его современники, В. П. Васильев не склонен идеализировать монгольскую эпоху и рассматривает ее как упадок культурной жизни оседлых народов, подвергшихся завоеваниям Чингис-хана и его потомков. По его словам, «история постоянно и во всех краях видит в мон голах бич народов: разрушительны были их набеги на Персию, на Россию; такими же они являются и в Китае. История говорит, что в провинциях Хэ-бэй, Хэ-вэй и Шаньдун, на пространстве нескольких тысяч ли, все жители были побиты»². Свою задачу, как исследователь монгол времени Чингис-хана. В. П. Васильев (строго учитывая уровень современных ему знаний и, прежде всего, научное наследие И. Бичурина) видел в изучении Монголии, Маньчжурии и Северного Китая в Х-XII столетиях. «Между историей народов Средней Азии и эпохой Чингис-хана, пишет В. П. Васильев, находился пропуск на пространстве трех столетий, так что, читая историю древних народов, мы находимся в неизвестности, что с ними

¹ ТВО, т. IV, 1859, стр. 1—235.

² В. П. Васильев. Ук. соч., стр. 451.

сделалось впоследствии, и от того самое выступление на историческое поприще монголов представляется в каком-то полумраке» 1. На эти X—XII века и приходились, по его мнению, события, связанные сначала с историей киданей (кара-китаи) и Киданьской династии, а затем с историей образования Цзиньской династии в Северном Китае, которая к 1122 г. захватила у киданей «все пять киданьских столиц», в том числе и главную из них — Пекин². Монголия в эти X—XIII века не была изолирована от своих соседей, в том числе и от северного Китая, где в X—XI вв. хогяевами были кидане, а в XII — начале XIII в.— Цзимъская (золотая) династия.

В. П. Васильев показал в своей работе, какие факты из истории Киданьской и Цзиньской династий можно извлечь для изучения монголов в это темное, до-чингисово время. На некоторых из этих фактов и следует сейчас остановиться.

По словам В. П. Васильева, «западные авторы» толкуют много о различии турок от монголов. Китайские источники ясно указывают на маньчжурское происхождение татар. Но из этого еще далеко до вывода, чтобы во времена Чингис-хана и после него на всем почти пространстве нынешней Монголии говорили различными этими языками, потому что происхождение рода или поколения относится только к происхождению управляющей им фамилии³. Несколько ниже автор приходит к выводу: «...одним словом, мы полагаем, что огромные пространства Средней Азии издревле говорили языками, близкими к нынешним, т. е. на востоке - маньчжурским, в центре - монгольским и на западе — турецким...» 4. Свои рассуждения о языках, на которых говорили в Монголии, В. П. Васильев кончает следующими словами: «Как бы то ни было, мы имеем все причины думать, что язык монгольский существовал уже с давнего времени, только не назывался этим именем»⁵.

Другой факт, который В. П. Васильев старается выделить как заслуживающий особого внимания, это форма взаимоотношений и объединений у монгольских племен в XII — начале XIII в. «Перед выступлением в свет Чингис-хана, или, лучше, до принятия им императорского титула, мы находим,—пишет В. П. Васильев,— что все земли, вне пределов Цзиньской и Сяньской династий, были разделены между различными поколениями, управляемыми старшинами и в постоянной вражде

¹ См. В. П. Васильев. Ук. соч., стр. 2.

² Там же, стр. 57. ³ Там же, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ Там же, стр. 131.

между собой. Но между ними видны взаимные сеймы, власть над которыми переходила из рук в руки» 1.

Под «сеймом» В. П. Васильев подразумевает объединение близких по родственным связям племен. Таковы, например, сейм кереитов, или сейм найманов. По мнению В. П. Васильева, некоторые из этих сеймов, возглавляемые как кереиты Ванханом, подчиняли себе в какой-то мере другие, более слабые племена или их объединения. Так, например, «Эсукей (отец Чингис-хана. — А. Я.), кочевавший на берегах Онона, находился под зависимостью Ван-хана»².

Интересным местом в работе В. П. Васильева, не потерявшим значения и в наши дни, является его точка зрения на происхождение самого слова «монголы». Д'Оссон, который, как известно, свой I том «Истории Монголов» писал на основе, главным образом, материалов Рашид-ад-дина, в надежности и достоверности которых трудно сомневаться, стоит на том, что монголы представляли собой одно из населявших Монголию племен-точнее, лаже небольшое объединение племен.

В. П. Васильев, на основе китайских источников, решительно отвергает взгляд Рашид-ад-дина и следующих за ним в этом вопросе авторов. «По Юаньской истории, - пишет В. П. Васильев, — можем заключить, что Чингис-хан принадлежал к племени или поколению монголов, которое уже существовало до него; но все удостоверяет нас согласиться с китайским писателем Мэн-хунсм³, современником Чингис-хана, который утвердительно говорит, что это имя сначала было неизвестно его подданным и выдумано только во времена принятия им императорского титула, и что во всем этом принимали участие киданьские перебежчики, которые внушили этому завоевателю китайские понятия о названиях царства, о годах правления и т. п. По этим понятиям, когда кто принимает имперагорский титул, то он назначает наименование своей династии. Темучин принимает титул Чингис-хана... и дает своей державе имя Монголов» 4. Таким образом, название «монгол», «монголы» не есть имя народа, но первоначально представляет официальный термин, который лишь постепенно превращается в наименование народа⁵.

¹ В. П. Васильев. Ук. соч., стр. 131.

³ Теперь доказано, что автором приписываемого Мэн-хуну сочинения был Чжао-хун. См. Pelliot. «Toung Pao», 1928—1929, стр. 163 и сл. и Pelliot. «Toung Pao», 1930, стр. 13 и сл. ⁴ В. П. Васильев. Ук. соч., стр. 134.

⁵ Там же, стр. 135.

В конце своей работы В. П. Васильев вновь возвращается к вопросу о происхождении термина «монголы». По его мнению, если улус, к которому и принадлежал Темучин, и имел общее наименование, то отнюдь не «монголы», а «татары». В. П. Васильев не отрицает, что «название «монгол» или созвучие с этим существовало действительно с давнего времени, если даже оно и занесено было к некоторым из обитателей нынешней Монголии прежде Чингис-хана, то не было до него общим национальным именем нынешнего монгольского племени» 1.

С именем В. П. Васильева связан перевод с китайского «Записки о монголо-татарах» Мэн-хуна. Записка эта составлена в первой половине XIII в. современником Чингис-хана, однако, как сказано выше, согласно исследованию Пеллио, не Мэн-хуном, а Чжао-хуном. Эта небольшая записка содержит немало ценнейших сведений о скотоводческом хозяйстве, об уровне общественного строя монголов, о нравах и обычаях, о должностях, чиновниках, чинах, военном управлении и т. д. Перевод В. П. Васильева, по мнению специалистов, хотя уже устарел и нуждается в замене новым, сыграл в историографии монголов большую роль, так как до самого последнего времени им пользовались особенно при описании хозяйства и общественных отношений у монголов времени Чингис-хана.

В. В. Бартольд свою статью «И. Н. Березин как историк»², прочитанную 7 мая 1919 г. на заседании Восточного отделения археологического общества, в связи со столетием со дня рождения И. Н. Березина, закончил словами: «Заслуги того поколения ориенталистов, к которому принадлежал Березин, определяются не столько выполнением, сколько постановкой научных задач, и в этом отношении ученый, понявший, что «на русских ориенталистах лежит обязанность разъяснения» монгольского периода русской истории, и не только словом, но и делом доказавший сознание этой обязанности, издатель «Библиотеки восточных историков» и труда Рашид-ад-дина, имеет полное право на благодарность потомства»³.

В. В. Бартольд в оценке деятельности И. Н. Березина, как, впрочем, и всего поколения ориенталистов, современников последнего, был излишне строг. Заслуги П. С. Савельева, В. В. Григорьева, И. Н. Березина определяются не только

¹ В. П. Васильев. Ук. соч., стр. 159.

² В. В. Бартольд. И. Н. Березин как историк. ЗКВ, т. II, стр. 51—72.

⁸ Там же, стр. 72.

постановкой вопросов, но и осуществлением, пусть не всегда полным, задач, которые они перед собою ставили.

И. Н. Березин, как востоковед, вышел из казанской школы, был учеником Ф. И. Эрдмана, немца, который не оставил после себя ценного научного наследия, и азербайджанца, ираниста А. К. Казембека, который был своеобразной и интересной фигурой. Ученость А. К. Казембека носила ярко выраженные черты мусульманского образования, однако в среде русских востоковедов его деятельность все больше приобретала характер научных исследований, стоявших на уровне требований первой половины XIX в. Всесторонняя характеристика и, быть может, несколько слишком строгая оценка научной деятельности И. Н. Березина дана в указанной выше работе В. В. Бартольда. Поэтому здесь можно сосредоточить свое внимание лишь на вкладе, который внесен был И. Н. Березиным в дело изучения истории монголов периода XI—XIII вв. Но даже при такой весьма ограниченной задаче следует напомнить, И. Н. Березин был человеком большой культуры и образованности и не только в одном востоковедном плане. Владея арабским, персидским и тюркским языками, начитанный в первоисточниках на двух последних языках, лично посетивший в 1842—1844 гг. ряд стран Ближнего Востока, И. Н. Березин был ученым с широким кругозором. В 50-х годах он побывал в Западной Европе, ознакомился с научной жизнью Берлина, Парижа и других городов. И. Н. Березин принадлежал к той части русских ученых середины и второй половины XIX в., на которых сказались либеральные идеи буржуазной интеллигенции, стоявшей, впрочем, в стороне от русских революционных демократов и даже в наиболее ответственные моменты проявлявшей к ним явно враждебное отношение.

Весьма интересна для характеристики общественных взглядов И. Н. Березина его статья «Нынешние центры науки в Европе», опубликованная в двух номерах «Библиотеки для чтения» за 1865 г. ¹ Статья эта написана по поводу издания «Извлечения из отчетов лиц, отправленных Министерством народного просвещения за границу, для приготовления к профессорскому званию».

И.Н. Березин хорошо знал недовольство русской студенческой молодежи постановкой высшего образования в России. По словам И. Н. Березина, студенты недовольны преподаванием некоторых профессоров и «стали утверждать, что их, живых людей,

 $^{^1}$ И. Н. В е р е з и н. Нынешние центры науки в Европе. «Библиотека для чтения», 1865, № 3 и 4.

отталкивают от современности и заморили на схоластике» ¹. Несколько ниже он пишет: «Юношество заявляет, что в университетском преподавании много схоластики» ².

«Какие бы ни напрягал университет усилия для того, чтобы дать перевес отвлеченным наукам, сдается нам, он только понапрасну растратит драгоценные силы: за стенами университета жизнь слагается в практическом направлении, в котором «наука для науки» составляет исключение»3. И еще ниже: «понашему, — пишет И. Н. Березин, — университет остается, как и прежде, посредником между обществом и наукою: он только более прежнего отвечает на современные запросы»4. Зная хорошо запросы русской жизни, И. Н. Березин отвергает путь, которым развивалась немецкая наука. По его словам, «немецкий профессор читает науку для науки и поэтому мало заботится о том действии, которое его лекции производят на аудиторию»⁵. Однако И. Н. Березин, типичный либерально-буржуазный профессор, свои рассуждения о том, какой должна быть русская наука в университете, заключает следующими словами: «Разница в нашем взгляде с требованием юного лагеря заключается в том, что, по нашему разумению, развитие это не должно уклоняться от научного круга в сферу идей чисто социальных. Прежде чем решать общественные вопросы, следует основательно изучить агенты, действующие в природе и в жизни»⁶. Эти слова И. Н. Березина целиком увязываются с его политическим мировоззрением. Известно, что И. Н. Березин был создателем и редактором «Русского энциклопедического словаря», который пользовался широкой популярностью в России в 70-90-е годы прошлого века, пока не был сменен энциклопедическим словарем Брокгауза. И. Н. Березин в конце своей жизни отдал словарю своему (16 больших томов) много времени, в силу чего стал отходить даже от любимой научной работы. Про него говорили, что он был очень активным редактором, не пропускающим без своей визы и исправлений ни одной ответственной заметки. Нас заинтересовал вопрос, как относился И. Н. Березин к французской буржуазной революции 1789 г. В обстоятельной статье «Франция», помещенной в «Словаре», читатель найдет весьма сочувственное отношение к идеям

 $^{^{1}}$ И. Н. Березин. Нынешние центры науки в Европе. «Библиотека для чтения», 1865, № 3, стр. 134.

² Там же, стр. 136.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 137.

⁵ Там же, стр. 138.

⁶ Там же, стр. 142.

и делу французской революции. Нельзя сомневаться, что И. Н. Березин как редактор очень внимательно отнесся к оценке событий в этой статье. Между прочим, в упомянутой выше работе «Нынешние центры науки в Европе», он, полемизируя с немецким историком Ранке по вопросу об огромной роли реформации в истории Европы, заявляет: «мы не должны, однако, забывать и французской революции, имевшей также большое влияние на общественный строй» 1.

Однако социалистическим идеалам И. Н. Березин был совершенно чужд и относился к ним явно враждебно, что можно проследить по тому же «Русскому Энциклопедическому словарю». Достаточно прочесть небольшие заметки под словами «Коммунизм», «К. Маркс» и «Содиализм», чтобы убедиться в этом. Таким образом, И. Н. Березин был типичным представителем русской буржуазной науки середины и второй половины XIX в. с присущей ей ограниченностью. Можно ли назвать И. Н. Березина историком в полном смысле этого слова? Следует согласиться с В. В. Бартольдом, который говорит, что некоторые работы И. Н. Березина, как, например, «Первое нашествие монголов на Россию» и «Нашествие Батыя на Россию», являются по существу работами не историческими, а филологическими, так как представляют перевод соответствующих текстов Рашид-ад-дина². Перевод и исторические комментарии он часто предпочитал историческим построениям и обобщениям. Характерно, что даже его докторская диссертация «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» з написана в плане любимого им приема — исторического и филологического комментария. На этом очерке мне еще придется остановиться, так как И. Н. Березин высказывал в нем не раз свои суждения о монголах периода Чингис-хана и его преемников.

Основным и крупным вкладом И. Н. Березина, до сих пор не утерявшим своей научной значимости, являются его переводы І тома Рашид-ад-дина (и комментарии к нему), посвященные темам: 1) О турецких и монгольских племенах 4, 2) Истории Чингис-хана до восшествия его на престол 5, 3) Истории Чингис-хана от восшествия его на престол до кончины⁶.

¹ И. Н. Березин. Ук. соч., стр. 59.
² См. В. В. Бартольд. И. Н. Березин как историк. ЗКВ, т. II, стр. 63—64. (Первая из указанных статей И. Н. Березина опубликована в ЖМНП, ч. 79, 1853; вторая в ЖМНП, ч. 86, 1855).
³ ТВО, т. VIII, 1864 (текст опубликован в ТВО).
⁴ ТВО, т. V, 1858. Русский перевод.
⁵ ТВО, т. XIII, 1868. Текст и русский перевод.
⁶ ТВО, т. XV, 1888. Текст и русский перевод.

И. Н. Березин в предисловии к переводу «О турецких и монгольских племенах» говорит, что он, прежде чем пристучить к этому большому научному делу, предпринял «предварительные издания, относящиеся к истории Монголов», а именно: «Библиотека Восточных историков» (Шейбаниада, татарский перевод Истории Рашид-ад-дина и начало Истории Абул-Гази), Ханские ярлыки, и помещенные в журнале Министерства народного просвещения статьи: «Первое нашествие Монголов на Россию», и «Нашествие Батыя на Россию»¹.

Сколько бы ни имел недостатков основной труд И. Н. Березина, в отношении чтения текста, перевода и комментариев он все же сохраняет свое значение по настоящее время. Можно с уверенностью сказать, что нет ни одной серьезной работы конца XIX и первой половины XX в. по истории монгольской империи и монгольских завоеваний, в которой так или иначе не был бы использован березинский текст, перевод и комментарии I тома Рашид-ад-дина. Даже если взять последнюю серьезную работу зарубежной буржуазной историографии «Империю монголов» Рене Груссе, изданную в Париже в 1941 г., то можно сразу заметить, что материалы І тома Рашид-ад-дина автором целиком использованы по И. Н. Березину. И. Н. Березин прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько трудна и огромна работа, за которую он взялся, тем более, что в переводе Рашид-ад-дина у него был в лице Катрмера предшественник, с которым трудно было соперничать. И. Н. Березин это прекрасно понимал. «Наученный опытом предшественников и примером г. Катрмера, я поставил на первом месте в своем понимании Рашид-Эддиновых рассказов восточно-азиатский элемент, придав ему еще более значения, нежели сколько допускал то в своих примечаниях г. Катрмер»².

Комментарии Катрмера к переводу хулагуидской части Рашид-ад-дина сделаны, как известно, замечательно³. Они до сих пор остаются незамененными другими примечаниями, которые бы были полнее в смысле привлечения новых материалов из источников. Примечания И. Н. Березина в этом отношении сделаны более поверхностно. Да он и не ставил перел собой задачи дать исчерпывающий комментарий, так как он считал необходимым опубликовать текст и русский перевод, чтобы дать в руки историков, и не только историков-востоковедов, необходимый материал для научной работы по истории

 $^{^{1}}$ ТВО, т. XV, 1888. Текст и русский перевод. 2 ТВО, т. V, стр. X.

³ M. Quatre mère. Histoire des Mongols de la Perse écrite en persan... Paris, 1836.

монголов. Что же касается комментариев, то они, по его мнению, должны были носить чисто разъяснительный характер при чтении текста.

Вторую часть истории I тома Рашид-ад-дина под заглавием «История Чингис-хана до восшествия его на престол» И. Н. Березин выпустил через десять лет, в 1868 г. В эту книгу вошел персидский текст и русский перевод. В предисловии к русскому переводу И. Н. Березин сообщает: «при печатании этого перевода я мог воспользоваться, наконец, «Старинным монгольским сказанием о Чингис-хане», существование которого мне известно ранее и которое появилось в четвертом томе Российской духовной миссии в Пекине, в переводе с китайского, архимандрита Палладия, с примечаниями русского переводчика»². И. Н. Березин сразу же оценил значение «Сокровенного сказания», которое, по его мнению, превосходит обилием своих материалов не только Алтан-Топчи и Сананг-Сэцэна, но и китайские известия о Чингис-хане. Оценил И. П. Березин «Сокровенное сказание» и для работы над выяснением источников Рашид-ад-дина. «С появлением этого сочинения, которое я называю, — пишет И. Н. Березин, — монголо-китайской писью, мне представилась возможность проверить рассказ Рашид-Эддина о Чингис-хане»³. К сожалению, И. Н. Березин смог как следует ознакомиться с «Сокровенным сказанием» лишь при печатании «Истории Чингис-хана до восшествия его на престол», в силу чего данные нового источника и не вошли в его примечания.

В связи с упоминанием «Сокровенного сказания» и впечатлением, произведенным этим историческим источником на И. Н. Березина, следует остановиться несколько на роли, которую сыграл Палладий Кафаров своим переводом в деле изучения истории монголов времени Чингис-хана. Архимандрит Палладий Кафаров, продолжая традиции Иакинфа Бичурина, дал образец научной работы, ценность которой сохраняется и в наши дни. Перевод «Сокровенного сказания» (или, как сказано, у П. Кафарова, «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане») сделан не с монгольского оригинала, который был ему неизвестен, а с китайского перевода: «Юань-чао-ми-ши», т. е. «Секретной истории династии Юань».

¹ TBO, T. XIII.

² И. Н. Березин. Ук. соч. Русский перевод, стр. 1.

³ Там же, стр. 1. ⁴ Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 261 и сл.

По отзыву специалистов, перевод П. Кафарова сделан замечательно и не потерял своего значения и после выхода в свет перевода акад. С. А. Козина, хотя последний выполнен непосредственно с монгольского оригинала. Как увидим ниже, перевод П. Кафарова сыграл в развитии монголоведения, а также историографии монголов исключительную роль. В течение 80 лет он питал и питает наших историков первоклассным фактическим, собственно монгольским материалом, который паряду со сведениями Рашид-ад-дина и китайскими источниками Ганму, Мэн-хун (Чжао-хун) и другие], дает полную возможность всесторонне осветить обстановку образования монгольской империи. Однако заслуги П. Кафарова этим не ограничиваются. В том же 1868 году он опубликовал свой перевод и примечания к «Описанию путешествия даосского монаха Чан-Чуня на Запад» 1, сочинение, в котором автор описывает свои впечатления, полученные на огромном пути из Китая в ставку Чингис-хана и обратно в 1221—1223 гг., т. е. вскоре после завоевания и опустошений, которые были произведены монголами в Средней Азии и Хорасане.

Вернемся, однако, к И. Березину. «Сокровенное сказание» полностью не было им использовано. Этой работы ему не удалось проделать, хотя в третьей части своего перевода Рашидад-дина «История Чингис-хана от восшествия его на престол до кончины» он не раз обращался в своих примечаниях к русскому переводу «Сокровенного сказания» П. Кафарова.

К. Маркс, который к середине XIX в. сумел изучить, в основном, почти весь для своего времени фактический материал по самым разнообразным вопросам мировой истории, не сставил без внимания и кочевников. В своей рукописи 1857—1858 гг. под заглавием «Формы, предшествующие капиталистическому производству»², К. Маркс вскрывает основные закономерности развития кочевого общества. «У кочевых пастушеских племен,— а все пастушеские племена первоначально кочевые,— земля, наравне с прочими природными условиями, представляется в своей первичной неограниченности, например в степях Азии и на азиатском плоскогорье. Ее используют как пастбище и т. д., на ней кормятся стада, которыми, в свою очередь, существуют пастушеские народы. Они относятся к земле, как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности. Такого рода собственностью является район

¹ Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, 1868.
 ² Впервые напечатана в русском переводе в № 3 журнала «Пролетарская Революция» за 1939 г. Затем перепечатана в «Вестнике древней истории», 1940 г., № 1. В 1940 г. издана отдельной брошюрой.

охоты у диких индейских племен в Америке; племя считает известный район своей областью для охоты и силой отстаивает его против других племен, либо пытается изгнать другие племена из удерживаемых ими областей. У кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (Reisegesellschaft), караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни. Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют сообща. Единственной преградой, на которую данный коллектив может натолкнуться в своем отношении к естественным условиям производства — к земле — (уж если мы сразу перейдем к оседлым народам), как к своим, является ∂py гой коллектив, который уже располагает этими условиями, как своим неорганическим телом. Поэтому война — это один из самых первобытных видов труда каждого из этих естественно сложившихся коллективов как для отстаивания собственности, так и для приобретения ее. (Мы можем здесь фактически ограничиться замечаниями о первоначальной собственности на землю, ибо у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец например — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются. Вообще собственность на землю включает также и собственность на ее органические продукты). Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость, вскоре извращающие и видоизменяющие первоначальные формы всех коллективов, сами становясь базисом последних. Простая организация приобретает в силу этого отрицательное значение» 1.

Я позволил себе привести полностью главную часть высказываний К. Маркса об основных закономерностях развития кочевых скотоводческих племен, находящихся на стадии разложения первобытно-общинного строя и еще не создавших государственных объединений. Основная мысль К. Маркса сводится к следующему. В степи, у кочевых скотоводческих племен «присваивается и воспроизводится только стадо», «а не земля». Ее только используют сообща. Таким образом, собственником земли является коллектив, т. е. племя. В собственности же кочевника находится не земля, а скот. На почве племенной собственности на землю между племенами часто происходят

¹ К Маркс. Формы, предшествующие каниталистическому производству. Политиздат при ЦК ВКП(б). [М.], 1940, стр. 24—25.

столкновения, так как другой коллектив, т. е. другое племя, может встать преградой в отношении первого племени к земле. Война становится средством разрешения конфликта и является «одним из самых первобытных видов труда» в деле отстаивания или захвата земли, как основного условия производства.

Война между племенами приводит не только к захвату земни, но и людей, которых превращают в рабов или крепостных. Само появление рабов содействует переменам в структуре первобытных коллективов — племен, порождает и усиливает вместе с собственностью на скот классовое расслоение кочевого скотоводческого общества, которое приводит к сложению в кочевом обществе первого господствующего класса в лице рабовладельческой кочевой знати, все более монополизирующей пастбища в своих руках.

Несколько ниже К. Маркс высказывает следующую, весьма важную мысль. Отношение кочевника к земле происходит не непосредственно, а через коллектив, через длемя; таким образом, кочевник не может существовать вне племени, впе рода. Заканчивает К. Маркс свои высказывания о кочевниках следующими мыслями:

«Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе (к которому коллективное устройство первоначально и сводится), — быть членом племени, — делает завоеванное, покоренное племенем чужое племя лишенным собственности и повергает его самого в разряд тех неорганических условий воспроизводства, к которым коллектив относится, как к своим. Рабство и крепостная зависимость являются поэтому лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе. Они неизбежно изменяют все его формы» 1.

К вышеприведенным высказываниям К. Маркса следует прибавить весьма ценное замечание К. Маркса из его письма к Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г.

«У всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части»². Имеются в виду те азиатские страны, где кочевники соседствуют с оседлыми государствами.

Приведенные высказывания К. Маркса и И. В. Сталина о полупатриархальных-полуфеодальных отношениях з у кочевников (о чем мы еще будем говорить) есть

К. Маркс. Ук. соч., стр. 26.
 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 488.
 См. И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 25.

лучшее, что написано о закономерностях общественного развития у кочевников в мировой исторической литературе.

Положения К. Маркса о кочевых скотоводческих обществах, к сожалению, опубликованы лишь через 82 года после написания. В них содержится целая программа изучения кочевников.

Буржуазная историческая наука, враждебно относящаяся к марксизму, оказалась в вопросе изучения кочевников (за исключением чисто описательной стороны) несостоятельной, что мы и увидим ниже, в связи с дальнейшим рассмотрением вопросов изучения монголов в русской и зарубежной исторической литературе.

* *

К концу XIX в. буржуазная историческая наука окончательно утеряла все положительное, что имела еще в начале XIX в.; она сменила прежние прогрессивные для своего времени идеи на реакционные, отрицая во имя сохранения капитализма даже самую закономерность исторического развития. В буржуазной исторической науке начался в это время пересмотр взглядов на прошлое, в том числе и на вопрос о роли монгольского завоевания. Все сильней стали раздаваться голоса о том, что предшествующие историки неправильно оценили роль монголов и монгольского завоевания в истории человечества, что давно пора провести в этой области переоценку прежних взглядов, что монголы вовсе не явились такими разрушителями, как думали прежде, и что, напротив того, они внесли много положительного в жизнь покоренных народов и стран. Эта смена прогрессивных взглядов в области оценки монгольских завоеваний реакционными — захватила даже наиболее серьезных представителей буржуазной историографии конца ХІХ и ХХ вв. Эта смена взглядов затронула и русское востоковедение, в известной мере, и такого крупного историка Средней и Передней Азии, каким был академик В. В. Бартольд. Его работы по истории монголов XIII в. явились крупным событием. В 1896 г. он выступил с двумя статьями по основным вопросам истории образования монгольской империи во главе с Чингис-хапом. Для нас особенно важна первая из этих статей, являющаяся записью вступительной лекции тогда еще начинающего ученого, прочитанной 8 апреля 1896 г. на Восточном факультете Петербургского университета. Вторая статья представляет собой рецензию В. В. Бартольда на вышедшую в том же 1896 году работу французского ученого Леона Каэн 1.

 $^{^{1}}$ «Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à $1405 \text{\sc w}.$

В. В. Бартольд дал отрицательную оценку этой работы французского историка Центральной Азии, хотя и признал ее литературные достоинства 1. Однако отрицательное отношение к книге Каэна не помешало В. В. Бартольду присоединиться к общей исторической оценке периода монгольского нашествия, данной французским ученым. В этой рецензии В. В. Бартольд пишет: «Автор справедливо отвергает старое представление о монгольских завоеваниях, как о нашествиях бесчисленных диких полчищ» или «бессознательном движении огромных волн народов» 2.

Заслуги В. В. Бартольда в историографии Ближнего и Среднего Востока общеизвестны. Умалять их не приходится. Однако и он отдал дань тем переменам, которые произошли по всему фронту буржуазной историографии конда XIX — начала XX в.,

в период складывавшегося тогда империализма.

В. В. Бартольд, привыкший в своей работе историка-исследователя все свои положения проверять фактами, не мог не видеть крупных разрушений, которые сопровождали монгольские завоевания. И в своих взглядах по этому вопросу В. В. Бартольд не пошел на окончательный разрыв с господствовавшими у лучших историков XIX в. воззрениями. Внимательно следя за высказываниями В. В. Бартольда по вопросу о монголах и роли, которую они сыграли в жизни Азии и Восточной Европы в XIII—XIV вв., нельзя не заметить в них внутренних противоречий. Об этом мы, впрочем, скажем подробно ниже. Пока же следует остановиться на том, что же положительного внес В. В. Бартольд в историю изучения монгольского народа. Можно со всей категоричностью сказать, что после появления работ В. В. Бартольда все крупные успехи монголистики и, прежде всего, истории монголов X1—XIII вв. связаны с русской и советской наукой. Хотя В. В. Бартольд и отдавал все свое время научным занятиям, он не был оторван от жизни. В. В. Бартольд живо реагировал на политическую жизнь царской России, возмущался реакционными мероприятиями царизма, однако в своем возмущении не выходил за пределы буржуазного радикализма. Конечно, он не был социалистом и марксистом, да и самый марксизм до Великого Октября знал плохо. Вместе с тем В. В. Бартольд был честным и прогрессивным ученым, чуждым расовым концепциям и пренебрежительному отношению к народам Востока, культурные достижения которых он высоко ценил. Позволю себе привести несколько

¹ См. ЖМНП, 1896, июнь, стр. 375.

² Там же, стр. 376.

⁵ Очерки по истории востоковедения

примеров, весьма показательных в этом отношении. Как известно, убедительными являются мнения, которыми автор де-

лится в частных письмах со своими друзьями.

В письме к Н. П. Остроумову в Ташкент от 23 сентября 1913 г. В. В. Бартольд пишет: «Ваше мнение о моем «благодушии» не вполне соответствует действительности; к сожалению, для благодушия пока нет поводов; редко какое правительство вело такую упорную борьбу с наукой и вызвало против себя среди ученых такое единодушное негодование, как наше... Я только не дошел еще до того, чтобы сложить руки и бросить работу, хотя и не надеюсь дожить до лучших времен».

Незадолго перед этим, испытав в качестве редактора либерального научного журнала «Мир ислама» «прелести» царской цензуры, а также варварство и невежество реакционных требований министра внутренних дел Макарова, В. В. Бартольд писал Н. П. Остроумову 3 марта 1913 г.: «Едва ли в настоящее время такое торжество грубого невежества было возможно в какой-нибудь европейской стране, не исключая Турции. Не думаю, чтобы турецкий министр мог заявить ученому своего народа, как мне заявил Макаров, что научная литература на отечественном языке вовсе не нужна и что с наукой можно познакомиться по заграничным изданиям».

В письме к тому же Н. П. Остроумову от 6 декабря 1915 г. он пишет: «...как ни грустно кругом, все-таки в жизни много хорошего, которое останется всегда, тогда как самоистребление и проч. пройдет же когда-нибудь. Человеческая культура еще далеко не сказала своего последнего слова, а скажет ли его белая, желтая или черная раса, это в сущности все равно». Эти слова В. В. Бартольда неправильно было бы истолко-

Эти слова В. В. Бартольда неправильно было бы истолковать как космополитизм. Космополитом он никогда не был. Он высоко ценил успехи русской науки и в свое время достойно ее представлял. Цитату эту из письма В. В. Бартольда я привел как один из ярких примеров того, что он был противником расовой теории. Все расы мира В. В. Бартольд считал равноправными и равноценными по своим возможностям. Вся научная деятельность его проникнута глубоким уважением к народам Средней Азии и высокой оценкой того культурного вклада, который они внесли в древности и средние века в мировую культуру. В этом отношении он представляет полную противоположность взглядам и деятельности Н. И. Веселовского и Н. П. Остроумова, которого он лично уважал, но с которым в течение долгих лет боролся, выступая против его

¹ В это время происходила первая мировая война.

реакционных взглядов на задачи востоковедения и русской политики на Среднеазиатском Востоке.

Таковы несколько фактов, которые могут в какой-то мере охарактеризовать взгляды самого серьезного и прогрессивного из буржуазных историков-востоковедов конца ХІХ — начала ХХ вв. Перейдем к его трудам по истории монголов. Крупнейшим вкладом в историю монгольской империи является отмеченная выше пробная лекция В. В. Бартольда в Петербургском университете и, особенно, основная часть его капитального труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Собственно говоря, В. В. Бартольду принадлежит честь первому поставить на серьезную научную почву решение вопроса о причинах возникновения монгольского государства во главе с Чингисханом. На эту тему и была прочитана в 1896 г. его пробная лекция на восточном факультете Петербургского университета. В указанных работах, а также в многочисленных статьях, написанных в разные периоды его жизни, он приводил мнение, которое подтверждали и углубляли высказанные им еще в конце XIX в. взгляды. Само образование монгольского государства в начале XIII в. он связывал не с борьбой между отдельными личностями, и даже не с борьбой «между отдельными родами и племенами» 1, а с борьбой внутри самого монгольского общества, с борьбой классов.

Будучи представителем идеалистического мировоззрения, В. В. Бартольд, однако, был исследователем прогрессивным, поскольку это возможно в рамках буржуазной историографии. Тщательное знание фактического материала, стремление делать выводы, только оправданные фактами, привело его уже в молодые годы к убеждению, что крупные события в истории можно понять только на почве тшательного анализа социально-экономической жизни народа. Уже в 1899 г. в своей рецензии на исследование Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» В. В. Бартольд писал: «Пишущего эти строки изучение истории Востока все более и более приводит к сознанию тех простых истин, что на Востоке, как и на Западе, обширные движения вызывались интересами обширного круга лиц, что в Азии и Европе действуют одни и те же законы исторической эволюции». И дальше: «отсутствие подробных данных об образовании других кочевых империй заставляет нас оставить открытым вопрос, происходили ли там явления, более соответствующие

¹ ЗВО, т. XI, 1899, стр. 355.

понятию о классовой борьбе, чем понятию о борьбе между отдельными родами и племенами» 1.

Впоследствии, через 30 лет, уже в советскую эпоху, В. В. Бартольд под влиянием марксизма дал более четкую формулировку взглядам, которые у него в молодые годы складывались под давлением фактов монгольской истории, но в силу его теоретической беспомощности не получили тогда строго научного выражения. В статье «Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монгол»² В. В. Бартольд писал: «Только в эпоху кочевого быта принимает значительные размеры имущественное неравенство и появляется классовая борьба в ее первоначальном виде, в виде борьбы между имущими и неимущими; под влиянием, вероятно, классовой борьбы создается правительственная власть, военное и политическое могущество. По крайней мере, в тех двух случаях, где до нас дошли известия об образовании кочевого государства из уст самих кочевников, а не из уст их культурных соседей, именно в рассказе орхонских надписей о восстановлении турецкой государственности в Монголии в VII в. и в рассказе монгольского предания об образовании империи Чингис-хана, вполне определенно говорится о борьбе между степной аристократией и народными массами, причем в первом случае хан опирался на народные массы, во втором же — на аристократию. Без момента обострения классовой борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти...» 3.

Именно с этих позиций и написана первая работа В. В. Бартольда, его пробная лекция «Образование империи Чингисхана»4. Большой заслугой В. В. Бартольда является высказанная в этой статье мысль о том, что не борьба между вождями монгольских племен, даже не борьба между отдельными монгольскими родами и племенами определила образование монгольского государства начала XIII в., а более глубокие, именно социально-экономические причины. Уже в этой первой лекции В. В. Бартольд сумел определить классовый, аристократический характер монгольского государства XIII в. По его словам, «Чингис-хан не был «народным вождем» в настоящем

¹ ЗВО, т XI, 1899, стр. 355.

Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те, 1929, т. XXXIV, вып. 3—4, стр. 1—4.
 В. Вартольд. Заметки об этническом составе тюркских

племен и народностей и сведения об их численности, стр. 3.

⁴ В. В. Бартольд. Образование империи Чингис-хана. ЗВО, т. Х, стр. 105—119.

значении этого слова, и созданный им государственный строй носил строго аристократический характер»¹.

Ту же мысль он проводит и при изложении борьбы за власть в Монголии в конце XII и начале XIII в. В то время, как степная аристократия, пишет В. В. Бартольд, «провозгласила своим представителем Темучина, простой народ, искавший не богатства и славы, а дневного пропитания, сплотился вокруг другой личности, именно вокруг Джамухи, одного из начальников племени Джаджират»². Не случайно, по мнению Бартольда, проникнуто аристократической тенденцией и основное монгольское предание о Чингис-хане и об образовании монгольского государства. «В фантастической окраске, — пишет В. В. Бартольд, - здесь изложена легендарная история монголов и история образования монгольской империи, причем автор имеет в виду прославление не столько царствующей династии, сколько ее сподвижников из степной аристократии, к которой он относится с явным пристрастием и к которой, повидимому, принадлежит сам»³. Кого же В. В. Бартольд подразумевал под монгольской аристократией? Кочевую скотоводческую знать, монгольское нойонство, кочевых степных богачей, в руках которых в конце XII — начале XIII в. сосредоточивались большие количества скота и рабов 4. Историография не может пройти мимо этих взглядов В. В. Бартольда. Он с классовой точки зрения подошел к решению вопроса об образовании монгольского государства, как бы примитивно она ни была высказана, и в этом была большая заслуга русской исторической науки, ярким представителем которой в востоковедении был В. В. Бартольд.

Свою точку зрения на классовое происхождение монгольского государства В. В. Бартольд отстаивал в течение всей своей научной жизни, хотя и не поднялся в остальном до уровня подлинно научного толкования исторических событий, т. е. до уровня марксистского понимания истории.

Однако заслуга В. В. Бартольда в историографии монголов заключается не только в правильной постановке вопроса об образовании монгольской империи, но и в разностороннем изучении этой империи, прочно связанной с монгольскими

 $^{^{1}}$ В. В. Бартольд. Образование империи Чингис-хана. ЗВО, т. X, стр. 114.

² Там же, стр. 111. ³ Там же, стр. 107.

⁴ Указаний на феодально-зависимых людей в работах В. В. Бартольда не имеется.

завоеваниями, а также в широком использовании первоисточников. В том и другом отношении работы В. В. Бартольда были огромным шагом вперед по сравнению с тем, что сделано было предыдущими крупными исследователями: д'Оссоном, Иакинфом Бичуриным, В. П. Васильевым и И. Н. Березиным. В. В. Бартольд впервые в своем труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» дал развернутую характеристику организации монгольского государства, показал основные учреждения, подробно описал устройство войска и гвардии, отметил их классовый характер и вместе с тем их весьма примитивную структуру, за исключением организации военного дела. Будучи огромным эрудитом в первоисточниках и в литературе по истории монголов, В. В. Бартольд впервые дал многостороннюю характеристику монгольского государства, чего не сделал никто из его предшественников. Имея полную возможность непосредственно привлечь материалы из персидских, арабских и турецких источников, а также материалы средневековых авторов на европейских языках, В. В. Бартольд вместе с тем учел все сделанное до него историками и филологами в области изучения монгольских и китайских хроник и сказаний. Еще большая заслуга В. В. Бартольда в том, что он почти с исчерпывающей полнотой дал научное описание походов Чингис-хана в Среднюю Азию и Иран. В этой области труд В. В. Бартольда еще никем не превзойден. Однако, хотя ему и принадлежит честь постановки вопроса о классовом происхождении государства Чингис-хана, он не смог еще правильно изобразить уровень общественного развития монгольского общества, не смог, прежде всего, потому, что не только не разделял марксистского понимания истории, но и не представлял его правильно.

Мне уже пришлось в специальной статье «Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда» отмечать: «Не проходя при истолковании истории мимо внутренних процессов, В. В. Бартольд не имел, однако, четких представлений о роли производительных сил и производственных отношений, в силу чего и не переносил на них главного внимания при объяснении исторических фактов и явлений, а старался понять их как результат влияния более культурного народа на менее культурный. Это, безусловно, наиболее существенный недостаток его работ» В. В. Бартольд хорошо видел, что монгольское общество разделялось на классы,

¹ А. Ю. Якубовский. Ук. соч., «Вестник Ленингр. ун-та», № 12, 1947, стр. 79.

понимал, что степная кочевая аристократия (нойонство) представляла собой господствующий класс, эксплуатировавший «простых кочевников», кочевой монгольский народ; однако В. В. Бартольд представлял классовые отношения упрощенно, сводя их анализ в основном к констатации имущественного неравенства. В. В. Бартольд не ставил вопроса о господствующей форме эксплуатации. Он не знал, что представляют собой эти простые кочевники, кто они — свободные люди, скотоводы-производители или люди феодально зависимые от кочевой аристократии; не знал, наконец, какую роль в монгольском обществе играли в то время рабы. Все эти вопросы перед ним не стояли, и ответа на них мы в его работах не получим. Вопросы эти могли быть поставлены только марксистской историографией, что и произошло уже в нашу советскую эпоху.

Как известно, наиболее полно у В. В. Бартольда освещены вопросы, связанные с монгольскими завоеваниями при Чингисхане и его ближайших преемниках. Здесь В. В. Бартольд дает подробную картину событий, привлекая огромное количество фактов из всех доступных в его время источников. Талантливо написанные не только в научном, но и в литературном плане, главы о завоевании государства хорезмшаха Мухаммеда долго еще будут привлекать к себе внимание историков. Однако и в них В. В. Бартольд не поставил самого главного вопроса, а именно вопроса о том, что двигало Чингис-хана и его «степную аристократию» на грабительские, завоеватель ные походы. В тех же немногих случаях, когда он высказывался по этому вопросу, его взгляды мало чем отличались от того, что было высказано до него в русской исторической литературе В. Григорьевым и И. Березиным. Вот что говорится у В. В. Бартольда об этом в его пробной лекции: «Быстрое образование обширной кочевой империи — явление, часто повторяющееся в истории Средней Азии. Вследствие условий кочевой жизни движение, вызванное различными причинами, главным образом экономического свойства¹, вкороткое время могло охватить целый ряд народов и распространиться на много тысяч верст, останавливаясь только перед непреодолимыми препятствиями»². Что же это за причины «экономического свойства»? Нам представляется, что это ходившая уже с середины XIX в. несостоятельная теория перенаселения степей, согласно которой, когда кочевников и скота становится больше, чем степи могут прокормить, то

¹ Разрядка моя.— А. Я.

² 3BO, т. XI, стр. 105.

у кочевников нет другого выхода, как движение с целями захвата новых кочевий.

Главные ошибки В. В. Бартольда в истории монгольской империи и монгольских завоеваний лежат в вопросе оценки монгольской власти и той роли, которую она сыграла в жизни Азии и юго-восточной Европы в XIII и XIV вв. Нам уже приходилось выше указать на те противоречия, которые были у В. В. Бартольда по этому вопросу. Вот чрезвычайно характерное суждение В. В. Бартольда. «Монголы — пишет он, завоевавшие Туркестан в XIII веке, были язычниками, совершали человеческие жертвоприношения и вообще находились на гораздо более низком уровне культуры, чем в Х веке караханиды. Монгольское нашествие сопровождалось разрушениями городов и страшными опустошениями; но не действия монгольских войск были главной причиной того культурного упадка, который мы наблюдали в эпоху монгольского владычества и после. От военного разгрома города и целые области оправлялись сравнительно скоро; мы знаем примеры, что города, которые за упорное сопротивление, за убийство монгольского царевича или посла подвергались особенно тяжелой участи и как бы стирались с лица земли, потом восстанавливались и продолжали жить еще несколько столетий, тогда как в местностях, где жители добровольно покорялись завоевателям и потому сохраняли свои города в неприкосновенности, городская жизнь приходила в полный упадок» 1.

Несколько ниже В. В. Бартольд указывает, что «совершенно не пострадали города Семиречья и восточной части Сыр-Дарьинской области, где монголы не встречали никакого сопротивления и ни один город не подвергался разгрому; между тем уже в 50 годах XIII века, через три десятилетия после прихода монголов, отмечается исчезновение некоторого числа городов и увеличение за их счет пастбищ кочевников»².

Заканчивая развитие этого положения, В. В. Бартольд приходит к следующему выводу: «Таким образом, культурный упадок объясняется не столько опустошениями, произведенными во время монгольского завоевания, сколько связанным с приходом монголов передвижением кочевых народов и неудачей попыток создать в Средней Азии сильную государственную власть» 3.

 $^{^{1}}$ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 85.

² Там же.

³ Там же, стр. 86.

Мысль о разрушительной роли кочевников в качестве непосредственных соседей культурных земледельческих районов В. В. Бартольд высказывает во многих своих работах. Так, в «Истории Туркестана» — конспекте лекций, прочитанных в Туркестанском государственном университете в 1920—1921 учебном году, он говорит: «При отсутствии в Средней Азии, от смерти Джагатая (1242) до воцарения Хайду (1269), сильной ханской власти, соседство кочевников, в руках которых была вся военная сила, отразилось на благосостоянии культурных земель, особенно на городской жизни, гораздо сильней, чем опустошения, произведенные во время монгольского нашествия» 1. Если внимательно читать работы В. В. Бартольда и следить за его высказываниями по этому вопросу, станет совершенно ясным, что он больше всего склонялся к только что высказанной им мысли. Нельзя, конечно, отрицать того, что когда монголы со своим скотом, в качестве победителей, непосредственно подходили к пашням, стадам и городам покоренной области, они в течение нескольких десятилетий приводили их к почти полному уничтожению. В. В. Бартольд имел все основания сказать: «В части Семиречья, к северу от Или, почти не пострадавшей от военных действий, уже к 1253 г., как видно из рассказа миссионера Рубрука, много городов исчезло и уступило место пастбищам, большое число развалин видел также китайский путешественник Чандэ в 1259 г. в Чуйской долине»².

Само по себе верное положение В. В. Бартольда становится, однако, неверным, когда он хочет с его помощью уменьшить размеры и роль опустошений и разрушений, которые принесли с собой военные действия монголов, не останавливавшихся перед полным уничтожением городов и истреблением десятков и даже сотен тысяч людей, в том числе стариков, детей и женщин.

В. В. Бартольд был первоклассным знатоком фактического материала, всегда извлекаемого им из первоисточников. Принято думать, что он стремился в своих работах делать выводы только под давлением фактов. И действительно, в подавляющем большинстве его работ эта черта бросается в тлаза читателю. Однако этого нельзя сказать в применении к освещению истории монгольской власти в XIII—XIV вв. Нельзя не удивляться, как он мог не придать должного значения местам в сочинениях Ибн ал-Асира (XIII в), Джувейни (XIII в.), Рашид-ад-дина

¹ В. В. Бартольд. История Туркестана. Конспект лекций. Ташкент, 1922, стр. 37. ² Там же.

(XIII—XIV вв.) и других авторов, где подробно рассказывается о больших опустошениях и разрушениях, учиненных монгольскими завоевателями в Средней Азии, Иране и Закавказье. Правда, этот упрек относится в меньшей мере к освещению истории Средней Азии. В. В. Бартольд дал достаточно яркую картину монгольского погрома в Средней Азии. Более того, он показал, что в XIII и XIV вв. имел место культурный упадок, хотя и объяснял его в большей мере приближением монгольских кочевий к культурным областям, чем военным погромом. Однако В. В. Бартольд иначе смотрит на роль монголов в истории России, хотя нужно сказать, что и здесь его суждения не лишены противоречий. В книге «История изучения Востока в Европе и России», которую он сам причислил к одной из удавшихся ему работ, В. В. Бартольд говорит: «Несмотря на опустошения, произведенные монгольскими войсками, несмотря на все поборы баскаков, в период монгольского владычества было положено начало не только политическому возрождению России, но и дальнейшим успехам русской культуры. Вопреки часто высказывавшемуся мнению, даже влиянию европейской культуры Россия в Московский период подверглась в гораздо большей степени, чем в Киевский. В самой Европе, начиная с XIII в., происходило постепенное передвижение центров промышленности и торговли с юга на север, в местности, находившиеся в более близком расположении от России».— «Татарские традиции дольше всего отразились на русской внешней политике и на посольском церемониале» 1.

Конечно, с этими утверждениями В. В. Бартольда согласиться никак нельзя. «Политическое возрождение России» происходило отнюдь не под влиянием монгольской власти, а вопреки ей. Не с помощью монгольских ханов выросло могущество объединившейся России, а в борьбе с Золотой Ордой. В русском народе оказались силы, которые сумели преодолеть феодальную раздробленность и, во имя спасения родины от татарского порабощения, раньше создать централизованную власть на Руси, чем это можно было бы ожидать при нормальном ходе исторического развития в условиях феодального общества. Таким образом, именно в борьбе с монголами произошло политическое возрождение России. Неправ В. В. Бартольд и в своем утверждении, будто на монгольский период приходятся «дальнейшие успехи русской культуры». Работы рус-

 $^{^1}$ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 171—172.

ских историков, особенно написанные в советское время, убедительно показали, что под монгольским владычеством многие стороны хозяйственной и культурной жизни переживали большой упадок. Это нашло отражение в памятниках материальной культуры, архитектуры и изобразительного искусства. Убедительно показал падение художественного ремесла в этот период Б. А. Рыбаков в своей работе «Ремесло древней Руси». Разве можно сравнить материальную культуру на Руси XII и начала XIII в. с Русью конца XIII и первой половины XIV в.? Постепенное оздоровление жизни, несомненное возрождение экономики, ремесел, городской торговли в XIV в. на Руси явилось не в результате условий, которые были созданы монголами, а несмотря на их режим, в результате большой жизнеспособности русского народа, сумевшего выжить в борьбе с татарщиной. Нельзя, конечно, отрицать, что в русский быт, особенно в быт господствующего класса, вошло немало элементов культуры Востока, однако трудно даже представить, какие «татарские традиции дольше всего отразились на русской внешней политике»: никаких фактов этого рода В. В. Бартольд не приводит.

Взгляды В. В. Бартольда являются самым слабым местом в его высказываниях по вопросу о роли монгольского владычества в покоренных монголами странах и безусловно следует считать шагом назад по сравнению с воззрениями историков первой половины XIX в. В этом вопросе на взглядах В. В. Бартольда, как и на многих его современников-историков, сказался общий упадок буржуазной историографии, столь характерный для эпохи империализма и загнивающего капитализма.

По словам В. В. Бартольда, «образование монгольской империи не было связано, как вторжение германцев в римские области, с переселением народов. Подавляющее большинство монгольского народа и после образования империи осталось в Монголии, куда вернулся и сам Чингис-хан и где его преемники построили для себя столицу на Орхоне» 1. Это положение В. В. Бартольда, благодаря его огромному авторитету в историографии Востока, до самого последнего времени считалось незыблемым. Однако более внимательное исследование вопроса заставляет нас пересмотреть позиции В. В. Бартольда. Конечно, о переселении большей части монгольского народа говорить не приходится, в этом отношении монголы не повторили караханидского движения, которое действительно

 $^{^{1}}$ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 86.

привело в Среднеазиатское Междуречье (область между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей) большие массы тюрок: карлуков, ягма, чигилей и других. Однако все же выход монголов из самой Монголии был достаточно велик. Трудно сказать, сколько их ушло, повидимому, около половины кочевого населения. В Семиречье, а затем в Мавераннахр и дальше на запад ушли джалаиры, барласы, научин и орлат, в юго-восточную Европу — мангыты, кунграты и другие.

Известно, что свои войны монголы вели не только собственными силами. В составе конного монгольского войска было много тюркских отрядов, особенно из среды кипчаков, однако преувеличивать их численность и считать, что монголы были только военачальниками, было бы большой исторической ошибкой. А между тем вопрос о том, какое число монголов ушло за пределы самой Монголии, имеет для истории покоренных монголами народов, и особенно самой Монголии, большое значение.

В одной из своих лекций, читанных в Ташкентском казахском педагогическом институте на тему: «История турецкомонгольских народов», В. В. Бартольд высказал весьма ценную мысль о том, что военные походы Чингис-хана и его преемников по сути дела ничего не дали монгольскому народу, оставшемуся в самой Монголии 1. И действительно, вся последующая история Монголии XII—XIV вв. говорит не о ее росте, а скорее всего об упадке. Население в Монголии уменьшилось, скота также стало значительно меньше, чем в самом начале XIII в., награбленное добро в завоеванных странах не оплодотворило производительных сил в самой Монголии, а разошлось по рукам членов Чингисовой династии и монгольского нойонства, как среди монголов, оставшихся в Средней Азии, Иране, Закавказье и в юго-восточной Европе, так и тех, которые находились в самой Монголии.

Построение столицы Каракорум на р. Орхоне нельзя считать признаком подъема страны, так как это был город, обслуживающий своим ремеслом и торговлей нужды только династии и двора, а не народа. Правильная и исторически ценная мысль В. Б. Бартольда о том, что монгольский народ и Монголия в результате завоеваний Чингис-хана ничего не получили, находится в прямом противоречии с приведенными выше взглядами В. В. Бартольда по вопросу о том, какое количество мон-

^{1.} В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казахского высш. пед. ин-та в 1926—1927 гг. Ташкент, 1928, стр. 17. Вот слова В. В. Бартольда: «Самому монгольскому народу эти завоевания не были нужны, и он не извлек из них никаких выгод».

голов ушло во время походов Чингис-хана и его преемников из Монголии. Если бы монголов ушло из своей страны мало, то и скота уведено было бы незначительное количество и тогда не пришлось бы говорить об упадке самой Монголии.

Ошибки В. В. Бартольда в вопросах истории монголов и монгольского владычества в XIII—XIV вв. в Азии и юговосточной Европе в настоящее время уже достаточно выяснены и едва ли могут оказать свое влияние на новые работы, хотя мы и не должны забывать этих ошибок. Наследие В. В. Бартольда определяется отнюдь не ими, а тем подлинно крупным вкладом, который он оставил историографии Востока. Историческая наука не забудет, что именно ему принадлежит приоритет научной постановки вопроса о происхождении монгольской империи, что именно он дал исчерпывающий очерк устройства монгольского государства при жизни Чингис-хана и никем не превзойденное фундаментальное исследование завоевания монголами Средней Азии и связанного с ним временного упадка богатой цивилизации народов Средней Азии.

На грани XIX и XX вв., а также в первые три десятилетия ХХ в. по вопросам истории Азии и юго-восточной Европы в период монгольского владычества не появлялось работ, которые могли бы вытеснить труды В. В. Бартольда. Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» (монгольский кочевой феодализм) вышла в свет только через четыре года после смерти В. В. Бартольда, в 1934 г. Как мы увидим ниже, только она явилась в ряде вопросов истории монголов шагом вперед по сравнению с тем, что было сделано В. В. Бартольдом, а между тем, за это время у нас, в СССР, и за рубежом было напечатано немало работ, затрагивающих, если не целиком, то во всяком случае частично вопросы, которые получили такую тщательную разработку у В. В. Бартольда. Но большинство выходивших на эти темы книг и статей были написаны не специалистами, а следовательно, не по первоисточникам. Среди русских работ приходится в этом отношении выделить большой труд Г. Е. Грумм-Гржимайло: «Западная Монголия и Урянхайский край, т. П. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии» 1. Автор, как известно,

¹ Изд. Ученого Комитета Монгольской Народной Республики, т. VI. Книга эта является продолжением труда «Западная Монголия и Урянхайский край», т. І. Описание природы этих стран. СПб., 1914, т. XII, 569 стр. В 1926 г. был выпущен III том этого труда под заглавием: «Западная Монголия и Урянхайский край», т. III. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Изд. Гос. Русск. географ. об-ва, т. IV, Л., 412 стр.

не был по специальности ни историком, ни востоковедом, а крупным исследователем-географом и естественником, одним из активнейших членов Русского географического общества, неутомимым путешественником по областям Центральной и Восточной Азии, живым, интересным, широко образованным человеком.

При изучении природы и географии указанных выше областей обширного Алтайского материка его особое внимание остановили Монголия и Урянхайский край. Обладая пытливым умом, он не мог себя ограничить специальностью естествоиспытателя и географа и параллельно увленся вопросами истории и этнографии живших там народов. К сожалению, незнание восточных языков лишило его возможности извлекать нужные ему факты непосредственно из первоисточников, а отсутствие специального исторического образования создало весьма неблагоприятные условия при постановке исторических вопросов и их решения. Г. Е. Грумм-Гржимайло поддался влиянию реакционных воззрений буржуазной историографии Запада по вопросам истории времени Чингис-хана и высоко оценил работу Ховорса, к которой В. В. Бартольд справедливо относился отрипательно. В указанном своем труде Г. Е. Грумм-Гржимайло немало страниц посвящает вопросам хозяйственного и общественного строя скотоводческих и охотничьих монгольских племен. Однако все приводимые им сведения извлечены или из переводов источников на русский и другие европейские языки или из работ д'Оссона, И. Бичурина, В. В. Бартольда и других исследователей. Рассуждения Г. Е. Грумм-Гржимайло по социальным вопросам беспомощны не только с точки зрения марксизма, но даже и буржуазной историографии. Нового и ценного по сравнению с тем, что было сделано в русской историографии, они ничего не дают, за исключением некоторых мыслей по частным и мелким вопросам. Самым слабым местом труда Г. Е. Грумм-Гржимайло является идейная сторона книги. Приходится только удивляться и недоумевать — откуда явилась у него эта непонятная идеализация Чингисхана и его грабительских и завоевательных походов? Показательно его отношение к «Сокровенному сказанию» (Юань-Чао-ми-ши), аристократический характер которого уже был вскрыт в конце XIX в. В. В. Бартольдом. Г. Е. Грумм-Гржимайло не может примириться с тем, что в «Сокровенном сказании» недостаточно выражено преклонение перед личностью Чингис-хана (хотя на самом деле в «Сокровенном сказании» слишком много преклонения перед ним). Приведем слова Грумм-Гржимайло по этому вопросу: «Злой, жестокий, мстительный,

трус, решающийся на отважные поступки только тогда, когда задеты его материальные выгоды, себялюбец, лишенный рыдарских чувств, — вот какой портрет Темучина в молодости дает нам «Юань-Чао-ми-ши» и, конечно, будь этот портрет хоть сколько-нибудь верен, Темучин не мог бы стать тем, чем он стал, и возбудить к себе уже с юных лет, с одной стороны,преданность и симпатии, а с другой, -- боязнь и зависть, а затем и открытую вражду тех, которые прозревали в нем силу, способную умалить, если не совсем уничтожить, их влияние на народ» 1. В обстановке средневековья, да еще в условиях Азии, Чингис-хан Грумм-Гржимайло идеал правителя. для Г. Е. Грумм-Гржимайло не хочет мириться с оценкой В. В. Бартольда, который совершенно правильно видел в Чингис-хане сильного представителя интересов степной аристократии, т. е. монгольского нойонства. В своей работе Г. Е. Грумм-Гржимайло прежде всего обрушивается на этот тезис В. В. Бартольда. «Бартольд полагает, пишет Г. Е. Грумм-Гржимайло, что Чингис-хан стал во главе монгольской аристократии, Чжамуха же, сперва друг, затем упорнейший из его противников, во главе простого народа и что в последовавшей затем борьбе аристократическая партия победила. И это в тех источниках, какими я пользовался, я усмотреть не мог»2. Последняя фраза в этой цитате не может не поразить всякого, кто объективно, без предвзятого мнения, прочтет от начала до конца «Сокровенное сказание» и сочинение Рашид-ад-дина, посвященное монголам времени Темучина-Чингис-хана. Указанные источники пропитаны не только «аристократическими тенденциями» их авторов, но и полны фактического материала для подтверждения тезиса В. В. Бартольда. Сам того не замечая, Г. Е. Грумм-Гржимайло наивно принимает на веру слова, которые Рашид ад-дин приписывает Чингис-хану: «всюду господствовали самый необузданный произвол и безграничное своеволие (имеется в виду кочевое общество. — А. Я.). Я положил всему этому конец и ввел у них узаконения и порядок»³. Эти слова, будто-бы сказанные Чингис-ханом, если они действительно когда-либо и были произнесены, имели в виду борьбу между отдельными родами и племенами, деятельным участником которых был сам Чингис до того как стал ханом, главным образом же недовольство и протест со стороны массы рядовых кочевников против

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 408.

² Там же. ⁸ Там же, стр. 437.

той эксплуатации, которую нойоны творили путем насилия. Г. Е. Грумм-Гржимайло, напротив того, понимает слова эти в каком-то идеальном плане, имеющем в виду интересы народа. Несколько ниже он пишет: «если видеть в этом преувеличение, то все же нельзя отрицать, что, дисциплинируя свои войска, Чингис-хан одновременно дисциплинировал и народ, получивший при нем в полной мере военную организацию» 1. В дальнейшем «идеализация» Чингис-хана и его военных походов принимает в работе Г. Е. Грумм-Гржимайло прямо чудовищные размеры: «Удача всех его (Чингис-хана.— \dot{A} . H.) походов и несметные богатства, доставшиеся на долю его войск, т.е. того же народа, — пишет этот автор, — создали всем его требованиям значение божеских велений и принимались не только безропотно, но и благоговейно к неуклонному исполнению. При таких условиях и при таком подъеме нравственных сил, который был пережит в его время монгольским народом, совершенно допустимо и то нравственное перерождение народных масс, которое ставил себе в заслугу Чингис»2.

Страницей ниже автор заканчивает свои рассуждения совершенно нелепым заключением: «Чингис-хан повел монголов по большой дороге завоеваний, где избыток их сил и нашел себе достаточное применение; а затем, как величие, так и полный успех всех его начинаний должны были покорить ему народную душу»³.

Вот какова «идейная сторона» огромного по объему труда, посвященного Западной Монголии и Урянхайскому краю.

В Ленинграде в научной среде книга Г. Е. Грумм-Гржимайло встретила двойственное отношение. В. В. Бартольд считал работу, несмотря на ее размеры, компиляцией и весьма вежливо уклонился от ее рецензирования. Вот что он сам пишет автору в письме от 31 марта 1927 г. по этому поводу: «Как Вам известно, Западной Монголии и Урянхайского края я в своих работах касался очень мало. Само собой разумеется, что я не во всем согласен с Вами, но спорить нам едва-ли придется; пришлось бы мне проделать всю ту работу, которую проделали Вы; Вы прочитали множество книг и статей, которых я не читал и едва-ли успею прочитать, а без этого спор был бы бесполезен»⁴.

 $^{^1}$ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия Урянхайский край, т. 11, стр. 437.

² Там же. ³ Там же, стр. 458.

⁴ А. Г. Грумм-Гржимайло. Дела и дни Г. Е. Грумм-Гржимайло. Изд. Моск. об-ва испытателей природы. М., 1947, стр. 65.

Основным вопросом, по которому резко различались взгляды В. В. Бартольда и Г. Е. Грумм-Гржимайло, был, конечно, вопрос об «аристократическом» характере монгольского государства Чингис-хана. В. В. Бартольд прекрасно видел всю фантастичность и нелепость идеализации Чингис-хана и попыток Г. Е. Грумм-Гржимайло доказать, будто монгольское государство XIII в. было создано в интересах народа. Сдругой стороны, В. В. Бартольд прекрасно видел, что работа автора основана на прочитанных им книгах и статьях, а не на первоисточниках, что и отражено в его письме.

Иначе отнеслись к труду Г. Е. Грумм-Гржимайло монголисты В. Л. Котвич и С. А. Козин. Сын Г. Е. Грумм-Гржимайло в упомянутой выше книге об отце приводит его переписку с некоторыми учеными, а также письма их друг к другу в связи с тем впечатлением, которое произвела книга «Западная Монголия и Урянхайский край». В качестве апологета книги выступает профессор Виленского университета В. Л. Котвич. В письме от 20 февраля 1927 г. к Г. Е. Грумм-Гржимайло он, между прочим, пишет следующие характерные строки: «Наткнулся в Вашей книге на одно место, где Вы опровергаете мнение Баргольда об условиях образования монгольского государства: давно уже пора было покончить с этим мнением, к которому, к сожалению, примкнул и Б. Я. Владимирцов. Хотел было, даже я в рецензии на книжку последнего затронуть этот вопрос, но «Восток», для которого я писал, прикрылся, и я взял свою статью обратно. Вы сделали это гораздо лучше меня...» 1

В. Л. Котвич, как и Г. Е. Грумм-Гржимайло, был ярым противником концепции В. В. Бартольда об «аристократическом происхождении» монгольского государства, во главе которого стоял Чингис-хан. Если судить по опубликованной впоследствии работе акад. С. А. Козина «Сокровенное сказание — Монгольская хроника 1240 г., т. І» и другим его работам, последний также стоял на точке зрения Г. Е. Грумм-Гржимайло и В. Л. Котвича.

Переходя к оценке работы Г. Е. Грумм-Гржимайло, «Западная Монголия и Урянхайский край», т. II, можно только пожалеть, что такой крупный ученый, путешественник и географ, заслуги которого в этой области неоспоримы, потратил огромное количество времени и сил на чтение и изучение колоссального количества книг и статей по истории, археологии, этнографии и антропологии Восточной Азии, чтобы извлеченные оттуда факты поставить на службу лженаучной и вредной

¹ А. Г. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., стр. 66.

⁶ Очерки по истории востоковедения

конпепции о «благодетельной» роли Чингис-хана и его завоевательных походов в истории монгольского народа и других народов Азии.

Крупным событием в историографии монголов была книга Б. Я. Владимирцова — «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», выпущенная в 1934 г., в издании АН СССР, через четыре года после смерти В. В. Бартольда и почти через два года после смерти самого автора. Книга эта написана как раз по тому вопросу, который менее всего был разработан всей предшествующей историографией как у нас, так и за рубежом.

Как выше указывалось, книга Б. Я. Владимирцова была новым и значительным шагом вперед. Б. Я. Владимирцов официально считался филологом и лингвистом, и в этой области, несмотря на довольно короткую жизнь (он умер на 48 году жизни), оставил немало весьма ценных исследовательских работ. У филолога и лингвиста оказался незаурядный талант историка, несомненное дарование в области исторического мышления. Однако первые его исторические опыты нельзя было признать удачными. Вышедшая в Петрограде в 1919 г. брошюра «Буддизм в Тибете и Монголии» представляет собой типичное идеалистическое истолкование этой религии. В 1922 г., в издании Гржебина, Б. Я. Владимирцов выпустил книгу под заглавием «Чингиз-хан». Книга эта в Западной Европе имела большой успех. В 1926 г. она была переведена на французский язык¹, а в 1930 г.— на английский язык². «Чингиз-хан» несомненно талантливая работа, написанная ярким, образным и вместе с тем простым языком. Доступная форма в ней сочетается с прекрасным знанием источников и оригинальностью исследовательской мысли. Однако в научном отношении она не оказалась прогрессивным исследованием.

На эту книгу В. В. Бартольд написал рецензию³, в которой даже признал, что она «представляет шаг вперед по сравнению с прежними работами», однако этот шаг вперед относится лишь к области фактического материала, а не истолкования. Что же касается последнего, то, по мнению В. В. Бартольда, книга «Чингиз-хан» отличается чертами идеализации, так как образ самого Чингис-хана мало соответствует исторической действительности и мало отражает ту среду, из которой он вышел,

١.,

Les grandes figures de l'Orient. Paris, 1926.
 The life of Chingis - Khan by B. Vladimirtsov, London, 1930.
 См. ред. В. В. Бартольдавжурн. «Восток», т. V, 1925, стр. 251—256.

и в которой сформировалось его мировоззрение и все принципы его поведения как главы монгольского государства. Книга Бориса Яковлевича Владимирцова «Чингиз-хан» в СССР не была переиздана, да и сам автор, который считал ее удавшейся в литературном отношении, через несколько лет настолько отошел от всей концепции, которая положена была в ее основу, что и не ставил вопроса об ее переиздании. Он прекрасно понимал, что она нуждается в коренной переработке; к сожалению, осуществить ее он не успел. Через одиннадцать лет после выхода «Чингиз-хана» Б. Я. Владимирцов выпустил новую книгу по истории Монголии и монголов «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм»¹. Уже само заглавие говорит о том, что мы имеем здесь дело с новым этапом в развитии исторического мышления автора. Действительно, за указанный срок Б. Я. Владимирцов испытал на себе большое влияние марксизма, что сказалось в сильной мере на его новой работе. Ведь в 1922 г., когда написан был «Чингизхан», Б. Я. Владимирцов еще пеликом был во власти идеалистической философии, многое в истории объяснял действиями «сильных личностей», что особенно проявилось в его историческом истолковании Чингис-хана.

Правда, как мы увидим ниже, книга «Общественный строй монголов» не может быть в полной мере названа марксистской, однако в специально востоковедческой литературе она явилась в этом смысле первенцем, к тому же удачным.

Книга написана первоклассным специалистом, что чувствуется на каждой странице. Б. Я. Владимирцов прекрасно знал монгольские первоисточники и сумел их использовать не только как историк в узком смысле слова, но как филолог и лингвист, что делает его переводы монгольских текстов особенно ценными и достоверными. Сравнительно долгое время, проведенное им в Монголии в качестве «полевого исследователя» этнографии и языка, дало ему возможность многое уяснить в источниках из того, что трудно было понять, работая только в кабинетных условиях.

Книга «Общественный строй монголов» Б. Я. Владимирцова широко известна в нашей стране. Она сразу же получила

¹ Б. Я. Владимир пов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Изд. АН СССР, М., 1934.

² Б. Я. Владимирцов был в Монголии два раза до Великой Октябрьской революции и два раза после нее. Второй раз он отправился в Монголию в 1913 г. и провел там два с половиной года. Особенно ценным в научном отношении было его пребывание в районе Кентейских гор и реки Керулена.

признание в научной литературе и имела несколько весьма положительных рецензий, в том числе и пищущего эти строки¹. В своей книге Б. Я. Владимирцов дал ответ на вопросы, которые менее всего были разработаны в историографии Монголии, что и было указано выше при рассмотрении работ В. В. Бартольда. Вне марксистского истолкования фактов научный ответ на вопросы истории общественного строя монголов дан быть не мог. Эту смелую попытку и взял на себя Б. Я. Владимирцов.

По обилию фактов, документации, и количеству поставленных вопросов, по широте охвата разнообразных сторон общественной жизни монголов XII—XVII вв., наконец, по умению связать все стороны жизни в единое развивающееся целое, книга эта стала настольной для всех, кто занимается историей кочевых обществ в эпоху феодализма. Ввиду известности работы нет необходимости, хотя бы в самых кратких чертах, останавливаться на ее содержании. Нам надлежит лишь отметить, чем книга Б. Я. Владимирцова продвинула вперед историографию монголов и в чем ее недочеты.

Как указывалось выше, книга охватывает огромный период от XII до XVIII в.; таким образом, нас касается только первая глава (первые 121 стр.), чуть больше половины книги. Главная ценность труда заключается в том, что автор впервые поставил во всей полноте вопрос о характере общественных отношений монгольского общества с точки зрения марксистского понимания истории, хотя он сам нигде об этом прямо не говорит. Монгольское общество XII-XIII вв., когда складывалось монгольское государство, он рассматривает как феодальное — в его кочевом варианте. Б. Я. Владимирцов по существу был первым, кто не только квалифицировал общество времени Чингис-хана как феодальное, но на основе огромного фактического материала постарался это доказать. Его безусловной заслугой является то, что он сумел показать — на-сколько монгольские племена на грани XII—XIII вв. отличались друг от друга по уровню своего общественного развития. В то время как одни из них уже жили развитыми феодальными отношениями, другие только вступили на путь феодализации, а третьи находились еще в стадии разложения первобытнообщинных отношений (по терминологии Б. Я. Владимирцова «родового общества») в качестве лесных охотничьих племен.

¹ А. Ю. Якубовский. Книга В. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды. «Исторический сборник», т. V, изд. АН СССР, 1936, стр. 293—313.

Заслугой Б. Я. Владимирцова является также и то, что он первый показал, каким путем господствующий класс, т. е. кочевые феодалы — монгольское нойонство — устанавливало на базе сосредоточения в их руках большого количества скота феодальную зависимость массы рядовых кочевников-скотоводов. Монгольские нойоны закрепляли феодальные формы эксплуатации путем насилия, главным образом, через своих нукеров, военных слуг, к которым, до известной степени, возможно применить термин «дружинник».

Согласно описанию Б. Я. Владимирцова, монгольское феодальное общество достигло уже в XIII в. своего почти полного развития; наиболее ярким выражением чего явились вассальпо-сеньоральные отношения. Все эти положения развернуты автором в большие главы, насыщенные богатым фактическим материалом, извлеченным из тех же первоисточников, которыми пользовались его предшественники. Но, кропотливый в собирании нужных фактов, он в ряде случаев сумел даже после В. В. Бартольда найти в хорошо известных последнему источниках пенный материал, мимо которого тот прошел, не использовав его.

В книге Б. Я. Владимирцова было столько достоинств, что в первое время как-то не бросались в глаза некоторые недочеты. Пишущий эти строки, так же, как и другие, прошел мимо них. Повидимому, должно было пройти некоторое время, чтобы можно было осознать ее слабые места. Только специально занявшись по первоисточникам теми же вопросами, что разработаны в книге, оказалось возможным вскрыть ошибки автора. Обнаружилось, что Б. Я. Владимирцов, несмотря на прекрасное знание обширного фактического материала: 1) завысил уровень общественного развития монголов, 2) придал монгольскому феодализму законченные «классические» формы, хорошо знакомые по французскому феодализму XIII—XIV вв.

Согласно Б. Я. Владимирцову, монгольское общество в лице передовых своих племен (найманы, кереиты, часть татар и другие) уже в конце XII в. переживало полную победу феодальных отношений; и даже более отсталые племена подтягивались под этот уровень. Таким образом, согласно толкованию автора, Чингис-хан, выступая на политическую арену, действовал уже в феодальном обществе.

Тщательное изучение фактов и более осторожное и углубленное применение марксистского метода исследования приводит нас к другому выводу. В XII в. монгольское общество переживало последние дни разложения первобытно-общинного строя; первой формой эксплуатации было рабство, причем

рабский труд применялся не только в домашнем хозяйстве, но и в пастьбе скота. На базе частной собственности на скот и рабов сложился первый монгольский господствующий класс — нойонство. Однако рабство в Монголии в XII в. не составляло господствующего способа производства. Основная масса кочевников-скотоводов оставалась свободной. Мимо всего этого и прошел в своем исследовании Б. Я. Владимирцов. Этой роли рабства он не заметил и постоянно его квалифицировал только как «рабство домашнее». Дальнейшее развитие общественных отношений уже пошло не по линии усиления рабовладельческих отношений, а по линии установления феодальных форм эксплуатации и закрепощения массы кочевников, первые признаки чего имелись уже в XII в.

Таким образом, Б. Я. Владимирцов усматривал сложившиеся феодальные отношения там, где еще имелись только их первые признаки.

Установление феодальных форм эксплуатации в пользу нойонства осуществлялось путем насилия с помощью нукеров, которые вначале были как бы товарищами в набегах, а потом превращались в дружинников, военных слуг, нойонов.

Как выше уже указывалось, большая заслуга Б. Я. Владимирцова в том, что он это убедительно доказал в своей книге «Общественный строй монголов». Некоторую роль в процессе установления крепостничества сыграли и унаган-боголы, однако, лишь при условии, когда удавалось племя, ставшее унаган-боголом, как таковое, разбить и отдельных членов его превратить в рабов или феодально-зависимых людей.

Унаган-боголам Б. Я. Владимирцов посвятил немалое количество страниц¹. Пишущий эти строки в своей рецензии на книгу «Общественный строй монголов» отмечал, что автор неудачно перевел этот термин как «крепостной вассал»². Самое сочетание этих слов «крепостной» и «вассал» неестественно. Неправ был Б. Я. Владимирцов и по существу, утверждая, будто в установлении феодальных отношений огромную роль играл институт унаган-боголов, понимая под ним те многочисленные случаи, когда целое племя под влиянием завоевания становилось на положение феодально зависимого. Согласно Б. Я. Владимирцову, верхняя часть племени, ставшего унаган-боголами, несла по отношению к племени-сеньору «благородную», «чистую» службу, а нижняя часть унаган-богольского племени, т. е. его простой народ, нес грязную или черную

⁸ Там же, стр. 65.

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 59—70.

службу. Нам представляется, что факты не подтверждают эти положения Б. Я. Владимирцова и лишь дают возможность утверждать, что подчинение путем завоевания одного племени другим приводило к такой зависимости, которую отнюдь нельзя было квалифицировать как феодальную, так как в этой зависимости не было того, что можно назвать феодальной формой эксплуатации и, прежде всего, крепостничества¹. Другое дело, когда зависимое, состоящее унаган-боголами племя, разбивалось, теряло свою племенную организацию, тогда одни могли становиться рабами, другие — феодально-зависимыми людьми, третьи — нукерами и т. д.

В процессе сложения монгольского государства в начале XIII в. формы феодальной эксплуатации усилились, однако и к началу завоевательных грабительских походов Чингисхана кочевники в массе еще не были закрепощены. Процесс закрепощения происходил особенно быстро в первой половине XIII в., в обстановке завоеваний и сложения монгольской империи, окончательно победил феодальный способ производства, что ясно видно на материале ясы и других письменных источников (например, Плано Карпини, В. Рубрук и другие). Всего этого пропесса, происходившего во второй половине XII и начале XIII в., Б. Я. Владимирцов не отметил, что вполне понятно, так как он считал, что уже в конце XII в. феодализм в Монголии был господствующей системой общественных отношений.

Б. Я. Владимирцов рисовал феодализм в Монголии, приписывая ему классические формы со сложной системой вассально-сеньоральных отношений, как будто бы это были не полудикие кочевники — скотоводы и охотники, а французское раннесредневековое общество XIII—XIV вв. Кочевники, даже в XX в., в окружении или соседстве капиталистического общества, имели не феодальные, в строгом смысле слова, а полупатриархальные-полуфеодальные отношения, которые отличаются косностью. Что же сказать о кочевом обществе XI—XIII вв., в частности, о монголах. Можно выразить глубокое сомнение в возможности в таком обществе увидеть зрелые феодальные отношения. Тем более, что по существу феодальные отношения в кочевом обществе развиваются в рамках неизжитых сохранившихся патриархальных обычаев, являющихся тормозом для полного раскрытия феодализма. В формуле «полупатриар-

¹ Там же, стр. 64—65. Здесь Б. Я. Владимирцов перечисляет обязанности унаган-боголов, совокупность которых не дает права считать их феодальными. Они могли быть и при других общественных отношениях, например, в условиях складывающегося рабовладельческого общества.

хальные-полуфеодальные отношения» кочевников «полупатриархальные» отношения и есть то, что мешает полуфеодальным отношениям стать феодальными.

Возвращаясь к вопросу о феодализме в Монголии в XIII в. при Чингис-хане и его преемниках, мы должны помнить, что даже когда мы говорим о победе феодализма, мы все же имеем в вилу отношения «полупатриархальные-полуфеодальные».

Несомненно прав Б. Я. Владимирцов, утверждая, что монгольское государство во главе с Чингис-ханом сложилось в интересах господствующего класса нойонства, силой нойонства и его нукеров. В этом вопросе он продолжал и углубил тезис В. В. Бартольда, выдвинутый последним, как мы видели выше, еще в 1896 г. (в его пробной лекции на Восточном факультете Петербургского университета). Однако нойонство в конце XII и в начале XIII в. должно рассматриваться как класс еще только «с к л а д ы в а ю щ и х с я» феодалов, так как и само монгольское общество того времени также следует рассматривать как дофеодальное, чего, как уже указывалось выше, не заметил Б. Я. Владимирцов.

В обстановке монгольской империи, на территории завоеванных стран, монгольские феодалы перестали в огромном своем большинстве быть кочевниками в чистом виде, так как становились крупными землевладельцами, не переставая в то же время вести кочевнический образ жизни. Монгольская феодальная знать (нойонство) складывается на завоеванных территориях как полуоседлая, полукочевая знать, при неизжитых к тому же полупатриархальных отношениях.

Остановившись на основных моментах изучения монгольского общества русскими и советскими учеными, небезинтересно сравнить, что же мы имеем в западноевропсиской литературе по вопросам истории «монгольской империи». Работы зарубежных историков по истории Монголии и монголов после трудов д'Оссона и Катрмера, вышедших во Франции еще в первой половине XIX в., остаются значительно позади русских исследований, как в области истолкования этой истории, так и в смысле использования фактического материала. Крупным филологом-комментатором является только Пелльо— китаист и монголист, писавший в первой половине XX в. Его заметки и статьи по разным частным вопросам преимущественно филологического характера несомненно представляют ценность. Как историк он не представляет интереса, да у него и нет обобщающих исторических работ, имеющих прямое отношение к нашей теме. Пелльо является реакционной фигурой, что нашло отражение в его политической позиции.

В 20-х, 30-х и 40-х годах XX в. за рубежом появилось немало работ, посвященных времени Чингис-хана и Монгольской империи. В подавляющем своем большинстве они вышли изпод пера не специалистов, а реакционных полужурналистовполуисториков, и исполнены преклонением перед «гением» Чингис-хана и «благодетельной» ролью монгольских завоеваний. О них можно сказать словами Б. Я. Владимирцова по адресу книги Л. Лэмба 1: «Это безнадежно слабая книга» 2. Собственно говоря, в XX в. за рубежом вышла только одна серьезная, хотя бы в смысле привлечения фактического материала, историческая работа о времени Чингис-хана. Это исследование буржуазного французского ученого Ренэ Груссэ³.

До выхода в свет настоящего труда, Груссэ был уже известен в историографии Восточной Азии своей работой «История Дальнего Востока»⁴.

В книге «Монгольская империя» Груссэ указывает использованные им источники: 1) Рашид-ад-дин в переводе И. Березина ⁵. 2) Юань-ши в частичном переводе на немецкий язык Ф. Краузе 6, 3) «Сокровенное сказание», русский перевод Палладия Кафарова⁷.

Груссэ привлекает в своем исследовании также большое количество литературы, в том числе и русской, которую он высоко расценивает. Однако он привлекает далеко не все русские работы, хотя они, надо полагать, были ему известны и доступны.

Несмотря на то, что труд Рашид-ад-дина не использован им непосредственно в его персидском подлиннике, все же количество фактов, привлеченных из него в исследовании, достаточно велико. Книга Груссэ, как и большинство французских работ, имеет несомненные литературные достоинства и читается, несмотря на перегрузку фактическим материалом, с большим интересом. Ценность работы также в том, что автором использованы и исследования по истории Китая. Однако,

¹ Chenghis-Khan. The emperor of all men. Лондон, 1928.

² См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 12—13, прим. 7.

³ L'Empire Mongol. (1-re phase) в серии: Histoire du monde publiée sous la direction de M. E. Cavaignac. Paris, 1941.

⁴ L'Histoire de l'Extrème Orient.

⁵ См. переводы Рашид-ад-дина, сделанные на русском языке

И. Березиным в изг. ТВО.

6 F. Krause. Cingis-Han. Geschichte seines Lebens nach den chinesischen Reichsannalen. Heidelberg, 1922.

⁷ См. «Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866, с привлечением частичных переводов этого источника, сделанных Пелльо и Хейнишем.

по сравнению с предшествующими исследованиями, оставленными д'Оссоном, И. Бичуриным, В. П. Васильевым, В. В. Бартольдом и Б. Я. Владимирцовым, новых фактов в работе мало. И не в фактическом материале лежит главный интерес исследований. Книга Груссэ интересует нас своей концепцией истории монголов в XII—XIII вв. Пятая глава книги посвящена целиком этому вопросу, она представляет собой как бы «философию истории» кочевых народов, вышедших из Монголии и Алтая.

Прежде всего, в работе Груссэ поражает отсутствие интереса автора к социально-экономическим вопросам. Хотя он иногда и ссылается на книгу Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов», однако нигде не видно, чтобы книга эта задела его постановкой социальных вопросов и их решением. Действующими силами монгольской истории остаются у него всегда — личности, роды, племена и складывающиеся из них кочевые народы. Собственно говоря, ему чужд историзм в строгом смысле слова, так как в отношении населявших Монголию племен он придерживался тех же взглядов, что Дегинь, д'Оссон, И. Бичурин, т. е. авторы второй половины XVIII в. и первой половины XIX в., считая, так же как и они, что сменялись только названия племен да политические события: приходили одни племена, уходили другие, или один союз племен терял господство и становился в зависимость от другого союза. Изменения происходили как бы на поверхности политической жизни, не внося никаких перемен в их внутреннюю, т. е. социальную жизнь. Читатель ничего не узнает ни о хозяйстве монгольских племен, ни о классах внутри монгольского общества, ни о классовом характере происхождения монгольского государства во главе с Чингис-ханом. В этом отношении книга Груссэ представляет шаг назад по сравнению с работами В. В. Бартольда конца XIX — начала XX в., не говоря уже о работе Б. Я. Владимирцова «Общественный строй мон-

В чем же его концепция монгольской истории XII—XIII вв.? Согласно Груссэ, кочевники Алтая и Монголии образуют свой собственный мир, отличный от оседлого, земледельческого мира Китая, Средней Азии и Ирана. У кочевников одни законы развития, у земледельцев — другие. Однако читатель мснее всего может ожидать, что эти законы носят характер общественных законов, самостоятельно существующих наряду с другими законами, скажем, биологическими. Законы эти менее всего затрагивают внутренние изменения в жизни самих кочевников и касаются, главным образом, отношений кочев-

ников к оседлым земледельческим народам. В этом отношении чрезвычайно характерно наименование одного из важных разделов книги «La loi des invasions mongoles: rythme climatique ou fait politique?»

В этом разделе Груссэ приходит к выводу, будто тюркомонгольские нашествия на Китай были периодичными и связаны с периодичностью засух на землях Монголии. Закономерность эта, по его мнению, действительно имела место, однако нашествия действенными оказались только в тех случаях, когда в самом Китае центральная власть (или что тоже самое — царствующая императорская фамилия) переживала упадок и не могла уже организовать активной обороны против кочевников. Груссэ утверждает, что эта закономерность является подлинным законом китайско-монгольских отношений. «Если проследить тщательно китайские хроники,— пишет Груссэ,— тюрко-монгольские набеги являются их лейтмотивом и, за исключением апогея царствования Ханьской и Танской династий, повторяются почти каждые десять лет. До тех пор пока династия является сильной, набеги остаются набегами, укусами насекомого на теле огромной империи. Если организм болен, это — смерть».

На первый взгляд картина, нарисованная автором может показаться убедительной, а объяснения правильными. Однако это только на первый взгляд. Что же собой по существу представляет «закон тюрко-монгольско-китайских отношений», или несколько шире — закон об отношениях кочевников и оседлых земледельческих областей. Закон этот выведен на базе чисто климатических условий, на базе географического фактора. Появляется засуха, степь выгорает и не может прокормить ни скота, ни кочевников, отсюда один выход — набеги на богатые оседлые области. Однако набег успешен только в том случае, когда он совпадает с ослаблением пентральной власти в оседлой культурной области. «Закон» Груссэ (будем дальше для краткости его так называть) — является явно антиисторическим, так как он игнорирует внутреннюю жизнь кочевого общества, т. е. те изменения, которые происходят в его развитии. «Закон» Груссэ в ухудшенном издании повторяет то, о чем писал еще в 70-х годах В. В. Григорьев, в своей статье «Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами» 1. Мы говорим «ухудшенном издании» потому, что В. В. Григорьев свою «теорию толчков», опирающуюся

¹ ЖМНП, 1875, № 3, стр. 1—27.

в конечном итоге на недород трав в степи, все же дополнял и наличностью стремления у кочевников к добыче.

Если бы Груссэ был знаком с работами советских историков, затрагивающих аналогичные вопросы, он не мог бы не заметить, что настоящего научного ответа нельзя дать вне анализа внутренней жизни кочевого общества, вне классового анализа его общественных отношений. В степи всегда шла борьба из-за пастбищ между племенами. К. Маркс даже сказал, что у пастушеских племен «война — это один из самых первобытных видов труда»¹. Военные столкновения в степи между племенами выработали взгляд на добычу в виде скота и рабов, действительно, как на своеобразный добавочный род хозяйствования. Характерно, что, когда, как это имело место у монголов в XII в., кочевники на базе частной собственности на скот и рабов создавали первое классовое общество, то его господствующий класс особо поощрял набеги за добычей, в которых видел для себя, наряду с так называемыми облавными охотами, один из важных источников дохода. Воспитанная с детства в степи привычка к набегам и добыче создала в кочевнике, преимущественно в среде господствующего класса племени, взгляд на грабительский набег, как на дело, участвовать в котором считалось «честью». На почве таких грабительских набегов складывались даже временные союзы племен.

Господствующему классу кочевого общества, конечно, еще легче было поднять массы скотоводов-кочевников в грабительский поход на оседлые области, когда в степи жить становилось трудно из-за засушливого лета, однако походы и набеги связывать только с засухой и голодом в степи исторически неверно. Историки не находили в источниках подтверждающих фактов.

Таким образом, «закон» Груссэ — есть простая фантазия. Груссэ не мог, конечно, не поставить перед собой вопроса о той роли, которую монголы сыграли своими завоеваниями в истории человечества XIII в., особенно в Азии. И здесь он ставит вопрос несколько шире, стремится перенести его с монголов на завоевания кочевников вообще. Хорошо знакомый с источниками и фактическим положением дела в покоренных странах, Груссэ не позволяет себе той ничем не оправданной идеализации этих завоевательных походов, которую мы видели выше например, в работе Г. Е. Грумм-Гржимайло. Напротив того он указывает на вред, который приносили с собой кочевникизавоеватели, начиная со времен гуннов и кончая монголами.

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат при ЦК ВКП(б). [М.], 1940. стр. 24.

Вместе с тем, Груссэ стремится найти и положительные черты в факте монгольского завоевания. Он видит их в откры тии трансконтинентальных путей, связавших Китай с Персией, христианский мир — с Дальним Востоком, во взаимном влиянии в китайской и персидской живописи и т. п.

Идеализация монгольского времени в пышных фразах Груссэ очевидна. Концепция Груссэ о монгольском обществе времени Чингис-хана и монгольской империи бедна исторической мыслью и отстала от работы В. В. Бартольда конца XIX в., не говоря о книге Б. Я. Владимирцова, вышедшей в 1934 г.

Огромное значение для понимания закономерностей развития кочевого общества имеют работы И. В. Сталина. Его учение о нациях капиталистических и социалистических, его высказывания о характере общественных отношений в Азербайджане, Крыму, Туркестане, Дагестане, у горцев Кавказа, башкир, татар и других народов и племен в начале XX в., наконец, самая трактовка понятий «род», «племя», «народность», данная И. В. Сталиным в его работе «Марксизм и вопросы языкознания», помогают нам разобраться в закономерностях развития кочевого общества, в частности монгольского.

Как известно, сталинское определение нации совершенно исключает два признака, которые обыкновенно приводятся буржуазной наукой, а именно: расовый признак и государственный признак. Нация, согласно определению И.В. Сталина, есть историческое образование и представляет собой общность людей, объединенных следующими четырьмя признаками: 1) общность языка, 2) общность территории, 3) общность экономической жизни, 4) общность психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Эти четыре признака вместе встречаются только в определенную историческую эпоху — при капитализме¹.

В работе «Национальный вопрос и ленинизм» И. В. Сталин говорит: «не было и не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое»². И далее И. В. Сталин указывает:

«Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д.—не с неба упали, а создавались исподволь,

¹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 333.

² И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период подымающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами» 1.

Только опираясь на это сталинское определение нации можно определить понятие «народности», с которым нам — историкам — и приходится иметь дело, коль скоро мы касаемся вопросов истории народов в докапиталистическую эпоху. «Народность» это также общность людей докапиталистической эпохи, причем общность, которая возникает в классовом обществе. В эпоху первобытно-общинного строя можно говорить о роде и племени, но нельзя еще говорить о «народности». «Народность» складывается только в классовом обществе: рабовладельческом или феодальном. В том случае, когда данное конкретное общество проходит эпоху господства рабовладельческих отношений, народность или народности складываются в обстановке рабовладельческого общества. В случае, если данное конкретное общество, минуя эпоху господства рабовладельческих отношений ², переходит после разложения первобытно-общинного строя к феодализму, то «народность», как определенная общность людей, складывается уже в период феодальных отношений, еще до победы феодализма, т. е. до крепостничества.

Каковы же признаки «народности»? И. В. Сталин указывает, что «элементы нации—язык, территория, культурная общность и т. д.— не с неба упали, а создавались исподволь...» Конечно, когда складывается «народность», не может итти речь об общности экономической жизни, во всяком случае, в той мере, в какой она проявляется только при капитализме, хотя и можно говорить в какой-то мере об элементах экономической общности. Что же касается «территории», то, если и не в такой полной мере, как при капитализме, то все же и при феодализме этот признак в известной мере налицо у «народности». В какой-то мере можно говорить и об общности языка, так как народность с момента ее сложения имеет определенную тенденцию к преодолению племенных языков, принадлежащих по

³ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

² Здесь речь идет о господстве рабовладельческих отношений, а не просто о рабовладельческих отношениях, так как всякое классовое общество слагается на базе разделения общества на рабовладельцев и рабов.

ольшей части к одной языковой семье, и созданию народного, юнятного всем, языка.

Так же обстоит лело и с признаком «общности психического клада или культуры». В процессе своего сложения «народность» вырабатывает и это единство, однако здесь имеются локальные особенности еще в большей мере, чем в языке. Ни з одном из трех указанных признаков «общность» у народности не реализуется полностью, вследствие чего в целом эти три гризнака не выходят за пределы элементов нации.

Кочевое хозяйство, кочевники, ведущие скотоводческое хозяйство, не могли сами по себе, без перехода на оседлое состояние или без воздействия со стороны капиталистического общества, породить капитализм¹, более того, они не могли даже породить настоящего развитого феодализма, а свое развитие, пока оставались кочевниками-скотоводами, не могли повести дальше полупатриархальных-полуфеодальных отношений. В условиях классового общества, в обстановке полупатриархальныхполуфеодальных отношений и складывается народность кочевников, в частности, монголов. Дальнейшее развитие общественных отношений кочевников-скотоводов происходит лишь при переходе значительной части кочевников на оседлый труд. Все отмеченные выше положения вытекают как следствие из указаний И. В. Сталина, данных в его трудах по вопросам языкознания, а также из его высказываний о кочевом обществе в работах по национальному вопросу. В этом отношении особенно важен упомянутый выше тезис И. В. Сталина о формах полупатриархальных полуфеодальных отношений у кочевников2.

Если И. В. Сталий с глубоким пониманием самого существа дела определяет характер общественных отношений у перечисленных народов, не прошедших капитализма и в большинстве своем еще велущих скотоводческое хозяйство, как отношения полупатриархальные-полуфеодальные даже в начале XX в., то что же можно сказать о монголах XIII—XIV вв.?

Указания И. В. Сталина заставляют нас полностью пересмотреть привычные многим историкам взгляды на монгольское общество XIII—XIV вв. как на вполне развившееся феодальное общество. С этой точки зрения и подлежит пересмотру, прежде всего, концепция Б. Я. Владимирцова о «кочевом феодализме» монголов, что мы и попытались сделать в нашей статье.

¹ Под влиянием соседства с оседлыми обществами кочевники, пока они остаются кочевниками-скотоводами, могли лишь получить элементы капитализма.

² См. И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 25 и 47.